

БИБЛЕЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

НОЙ

ВСЕМИРНЫЙ
ПОТОП

Annotation

Как праведному человеку сохранить душу и совесть в порочном мире, приговоренном за грехи к уничтожению? Сможет ли он убедить в своей правоте любимую жену и детей? Исполнит ли безропотно волю Божию – или попытается спасти в Ковчеге не животных, а людей? Раскроет ли жестокое убийство, совершенное в разгар строительства, – убийство, в котором обвиняют самого Ноя, а он с ужасом начинает подозревать собственных сыновей...

Захватывающий библейский детектив о ветхозаветном патриархе, строителе Ноева Ковчега, спасителе рода людского от Всемирного Потопа.

- [Иосиф Кантор](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Иосиф Кантор

Ной. Всемирный потоп

«И сказал Бог Ною и сынам его с ним: вот, Я поставляю завет Мой с вами и с потомством вашим после вас, и со всякою душою живою, которая с вами, с птицами и со скотами, и со всеми зверями земными, которые у вас, со всеми вышедшими из ковчега, со всеми животными земными; поставляю завет Мой с вами, что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли.

И сказал Бог: вот знамение завета, который Я поставляю между Мною и между

вами и между
всякою душою
живою, которая с
вами, в роды
навсегда: Я
полагаю радугу
Мою в облаке, чтоб
она была
знамением завета
между Мною и
между землею. И
будет, когда Я
наведу облако на
землю, то явится
радуга в облаке;
и Я вспомню завет
Мой, который
между Мною и
между вами и
между всякою
душою живою во
всякой плоти; и не
будет более вода
потопом на
истребление всякой
плоти».

Бытие, 9:8—15

Глава 1

Глас Божий

Не вода лилась с небес – сами небеса изливались на землю. Как будто чья-то могущественная рука опрокинула над землей огромный, полный до краев кувшин, огромный настолько, что вода все лилась, лилась и лилась...

Вязкая тьма, затянувшая небо, спускалась все ниже и ниже, навстречу поднимающейся воде. Ветер дул со всех сторон сразу, или, скорее, то был круговой вихрь, невиданной силы, вихрь, забав ради поднимающий в воздух исполинские столпы воды. Шум ветра был настолько силен, что заглушал непрерывные, сливающиеся воедино, громовые раскаты. В свете молний нельзя было увидеть ничего, кроме воды, но это была не та вода, которую привыкли видеть глаза, это была Стихия. Яростная, неумолимая, неотвратимая, неукротимая Стихия, уничтожившая всех и все, и теперь, в избытке сил, борющаяся сама с собой.

Гигантские валы насакивали друг на друга с каким-то ужасающим задором, рассыпались мириадами брызг, опадали, кружились водоворотами и вдруг начинали расти снова. Вихри вспенивали воду, не давая ей успокоиться, волны сливались в валы, сталкивались, исчезали, появлялись снова. Исполинская мощь Стихии ужасала, но ее злая воля ужасала еще сильнее.

Молнии огненными хлыстами стегали воду, словно подгоняя. Порой несколько молний сливались в одну и тогда там, куда они ударили, вода пыталась вскипеть, но льющиеся сверху потоки мгновенно гасили этот порыв.

Воды было столько, что не было ничего кроме воды, но небеса продолжали изливаться. Скоро тьма ляжет на воду и тогда весь Божий мир будет одна вода...

Ничего, кроме воды...

Ничего...

Эта вода была особой, такой, что даже рыбы и гады морские не плескались в ней. Ничего живого не было в воде.

Ничего живого...

«А люди? – запоздало обеспокоился человек, зачарованный невиданным зрелищем. – Куда делись люди?»

Странный вопрос, отчасти, даже глупый. Куда делись люди? Туда же, куда делось все остальное – остались где-то там, на дне необъятной свирепой пучины. Бедные, бедные... Одно дело – умереть от болезни или пасть от чужой руки, и совсем другое – быть поглощенным Стихией... Страшная нелепая смерть...

А может ли смерть быть нелепой?

Сердце, замершее от увиденного, затрепетало в груди, и этот трепет прогнал сон прочь.

Дурной, дурной сон. Никогда не снилось ничего подобного. Никогда не снилось ничего хуже. Никогда не снилось так правдоподобно, совсем как наяву. Сны расплывчаты, стерты на гранях, окутаны дымкой небытия, как и положено снам, но этот...

Ладони прошли по лицу, будто пытаюсь отереть холодные водные брызги. Ладони остались сухими. Человек глубоко вздохнул, пытаюсь прогнать легшую на сердце печаль, свежим ночным воздухом, но это ему не удалось.

Тогда он осторожно, чтобы не обеспокоить спящую рядом жену, поднялся с ложа, и прошел в отгороженный овечьими шкурами закуток, где имел обыкновение молиться. Во избежание лишнего шума обуваться не стал. Ощувив подошвами прохладу земли, вспомнил недавнее предложение старшего сына – настелить в покоях деревянный пол. Новый обычай – люди решили, что им зазорно ходить дома по земле, вот и устраивают себе полы из дерева. Кто из простой яблони или из тиса, а правитель Явал, говорят, отделал свой дворец драгоценным деревом сепюр, мера которого стоит семь раз по семь десятков мер зерна. Сепюр тяжелее железа, это дерево тонет в воде, но не гниет в ней и не горит в огне. Привозят сепюр издалека, оттуда, где восходит солнце, земли те называются Нод, оттого и цена такая высокая. Явал может себе это позволить... Явал думает, что он может позволить себе все, что пожелает... Сейчас многие так думают. Думают и позволяют. Разве человек раб своих желаний? Желания надо обуздывать, чтобы они не пожрали своих хозяев. Человек – раб Всевышнего, и более ничей. Сыну он ответил, что не хочет в зрелом возрасте менять своих привычек, да и дереву, буде оно окажется

лишним, можно найти другое применение – лишняя постройка в хозяйстве не мешает.

Человек привык молиться в уединении и с закрытыми глазами, полностью отгораживаясь, отстраняясь от суетного, но сейчас это правило пришлось нарушить. Стоило только опустить веки, как пред глазами вместо привычной темноты, снова возникла изливающая воду тьма, то и дело пронзаемая молниями. Ужасный морок оказался настолько дерзким, что осмелился вторгнуться в общение с Богом?! Сгинь, морок! Сгинь сейчас же! Господи, спаси и сохрани!

Человек опустил на колени, потряс головой, отгоняя наваждение, и поднял взор к потолку, покрытому сетью мелких извилистых трещин. «Надо бы обмазать глиной и побелить» похозяйски подумал он и тут же устыдился своих мыслей. Негоже сейчас думать о потолке. Готовясь к разговору с Всевышним нельзя отвлекаться на суетное. Но глаза человек, тем не менее, закрывать поостерегся, чтобы не привиделось снова страшное.

Мало что могло напугать изрядно пожившего и многое повидавшего человека, происходящее чаще не пугало, а огорчало, но это видение было особенным, раз уж заставило молиться посреди ночи. Последний раз он молился посреди ночи давно, много дней тому назад, когда младший сын заболел черной лихорадкой и начал усыхать на глазах. Тогда Бог внял страстным молитвам и явил чудо. Вдруг пропел в неурочное время петух, и как только оборвался в ночи его крик, болезнь отступила. Чернота на лице сменилась бледностью, ввалившиеся щеки начали розоветь, веки дрогнули... Сын, уже третий день пребывавший в беспамятстве, открыл глаза, разомкнул потрескавшиеся губы и шепотом, но внятно, попросил пить. Восход солнца сын встречал уже сидя, а к вечеру стал помогать копать новый колодец, потому что из старого, неизвестно почему, внезапно, в одночасье, ушла вся вода. Уж не она ли стала причиной болезни сына? Кто знает? Странно только, что больше никто в семье не заболел, а воду ведь пили все.

– Господи! – шепотом воззвал человек, но шепот этот был из тех, что громче любого крика. – Господи! Господи...

Сказать надо было много, но то, что надо было сказать, шло из сердца, минуя язык и губы. Человек изливал в молитве все, что скопилось на душе, иногда он был чересчур пространен в этих

излияниях, но с губ неизменно срывалось лишь повторяющееся «Господи!». Только в завершение молитвы он воззвал:

– Помилуй нас, Господи!

Человек был добр. Он никогда не просил только для себя или для своей семьи, он пекся обо всех людях, и о таких, как радушный сосед Ирад, и о таких, как жадный торговец Элон, и, даже о таких, как несправедливый и несправедливый правитель Явал. Все люди – Божьи дети и только Бог волен решать, кто из них хорош, а кто плох и насколько. У каждого свой путь – у кого-то прямой, у кого-то извилистый. Кто-то идет по нему быстрым шагом, кто-то едва переставляет ноги. Главное не в том, насколько прям путь и как быстро человек по нему идет. Главное в том, чтобы каждый шаг, каждое жизненное усилие приближало человека к Всевышнему, а не отдаляло от него.

Увы, большинство из тех, кого знал молящийся, усердно отдалялись от Бога и, что страшнее всего, не видели в том ничего дурного. Если человек погряз в мерзости, но сознает, что это мерзость, то у него остается шанс на спасение. Стоит только захотеть, сделать усилие, первый шаг, а там уже Бог поможет, непременно поможет, Бог всегда помогает тем, кто искренне жаждет добра. Но если жить в мерзости, творить мерзость и думать, что это и есть правильная жизнь, то спастись уже не удастся. До тех пор, пока не придет прозрение. Если придет...

– Помилуй нас, Господи! – повторил человек и, простершись ниц, замер.

Люди всегда нуждались в Божьей милости, а в последнее время – так особенно. Мир скатывался в пропасть порока, мир исторгал из себя хорошее и питывался плохим. Тем, чего вчера или позавчера было принято стыдиться, сегодня гордились. То, что вчера скрывали, сегодня выставляли напоказ. Воры не только открыто признавались в том, что они украли, но и бахвалились своей удачей. Бахвалились открыто, никого не боясь, потому что каждый из людей, вместо того чтобы возмутиться делами негодяев, радовался, что беда случилась не с ним, а с соседом. Назавтра радовался сосед, а те, кто был поставлен, чтобы следить за порядком, за мзду закрывали глаза и уши, а порой, даже, покровительствовали преступникам или же направляли их.

Мытари отбирали у нуждающихся последнее и упивались своей властью и своими богатствами. Что толку в богатствах, нажитых неправедным путем? Кому пойдет впрок кусок хлеба, обильно политый чужими слезами?

Воины, призванные охранять людей от врагов, грабили их усерднее любого врага. Путешествие в соседний город, еще недавно не представлявшее никакой опасности, стало рискованным предприятием. Люди объединялись в группы, чтобы доехать куда надо живыми и при своем имуществе. Лихие люди занимались своим гнусным ремеслом в открытую; их развелось так много и стали они настолько лютыми, что, заслышав крики о помощи, люди не сбегались на них, а разбегались прочь.

Распутники посягали не только на жен своих братьев, но и на сестер и матерей своих, а те отвечали им взаимностью. Те, кому вменялось в обязанность блюсти справедливость, творили беззаконие, справедливость превратилась в гулящую девку, которую может иметь любой, способный заплатить за это. Клятвы не соблюдались, обещания нарушались на каждом шагу, ложь вытеснила правду отовсюду. Каждый думал только о себе и о своей выгоде. Каждый делал то, что хотел, не считаясь с другими. Сильные угнетали слабых, а те пытались подмять под себя таких, кто еще слабее.

Алчность и похоть возобладали над всем хорошим, что было сокрыто в душах человеческих. Уже невозможно было представить, что не так давно ростовщика, желавшего взыскать с бедной вдовы, достаточно было пристыдить прилюдно и он удалялся, забыв навсегда о долге. Нынче же ростовщики не успокаивались, пока не видели, что больше ничего они со своих должников получить не смогут. Одежда, что надета на должнике, да пища, что умещается в двух сложенных ладонях, – вот имущество, которое нельзя отбирать по древнему закону. Самих же должников можно спокойно делать рабами, чтобы они выплатили взятое с положенными процентами своим трудом. А проценты? На смену былой десятинае пришло удвоение, то есть целых десять десятин! За то время, в которое раньше долг увеличивался на десятую часть, он теперь вырастает вдвое. А потом – еще вдвое, уже вместе с процентами. Что это, как не кабала, из которой невозможно вырваться?

Закончив молитву, человек не спешил подниматься с колен. Он перебирал мысленно события последних дней, пытаясь отыскать в них что-то хорошее, светлое, но никак не мог вспомнить ничего подходящего. Селение, в котором он жил, ничем не отличалось от других селений, и люди здесь жили точно такие же, как и везде, не лучше и не хуже других. «Может быть, это болезнь? – подумал человек, привыкший первым делом искать оправдание, а не обвинять. – Что-то вроде безумия, болезнь, при которой страдает не разум, а совесть? Может же быть такая болезнь? И почему бы ей не распространяться среди людей так же быстро, как и черной лихорадке?.. Нет, это не болезнь, а что-то другое. Болезни не может сопутствовать радость, а они радуются, да еще и похваляются друг перед другом...»

Мысли окончательно зашли в тупик. Защемило сердце. Тягостно, когда приходится думать о людях плохое. Хочется думать хорошее, но откуда его взять?

– Надо думать хорошее! – строго одернул себя человек. – Надо пытаться нащупать хорошее в душах людей. Ведь не может так быть, чтобы там совсем-совсем не осталось добра? Надо воззвать к этому хорошему, надо найти правильные слова, которые упадут на заблудшие души благодатным дождем и дадут добрые всходы. Жестокосердный правитель Явал когда-то был добрым ребенком, не способным творить зло и смеявшимся столь заразительно, что нельзя было, услышав его смех, удержаться от улыбки. Дети чудесно смеются, и смех их прогоняет любую печаль, пусть и ненадолго. Сейчас у правителя другой смех – скрипучий, отрывистый, зловещий. Если Явал засмеялся, то кто-то заплачет. То многие заплачут. Но неужели даже искорки того, детского смеха не осталось в его душе?

Слова! Главное – найти правильные слова! Правильное слово – благодатный дождь! Неправильное же – град побивающий. Слово разит острее любого меча, и слово же исцеляет лучше любого снадобья.

Человек прикрыл глаза и представил, как благодатный дождь проливается на иссушенную землю. Земля жадно впитывает первые капли, просит еще, еще... Скоро на напоенной земле зазеленеют всходы... Но что это? Дождь усиливается, и вот уже не капли падают с неба, а льются потоки. Земля не может принять столько воды, вода

поднимается все выше и выше, и вот уже только верхушки гор торчат из воды... Небо сплошь затянуто мглистой тьмой, сверкают молнии, грохочут громовые раскаты...

Человек вздрогнул и хотел открыть глаза, но не смог этого сделать. Веки будто срослись и никак не желали размыкаться. Человек, не понимая, что с ним творится, поднес руки к глазам, желая ощупать их, но едва он коснулся век шершавыми кончиками пальцев, как услышал голос. Негромкий, но очень внятный голос. В каждом звуке этого голоса чувствовалась великая мощь и звучал он отовсюду сразу, со всех сторон и не только снаружи, но и откуда-то изнутри.

– Я покончу со всеми, кто живет на земле: она переполнена их злодеяниями...

Глаза озарила столь яркая вспышка, что человек несколько мгновений не видел ничего, кроме ослепительно белого света.

– Господи! – громко воскликнул он, поняв, Кто говорит с ним, и простер руки ввысь.

– Я уничтожу их всех, а с ними и всю землю... Снова прежняя картина – тьма, вода, молнии. Но грома теперь не было слышно – только голос.

– Но ты сделай себе из дерева гофер ковчег и устрой в нем отсеки, а изнутри и снаружи обмажь его смолой...

– Ковчег? – переспросил человек и тут же осекся, боясь пропустить хоть слово.

– Пусть он будет в длину триста локтей, в ширину – пятьдесят, а в высоту – тридцать...

– Триста, пятьдесят, тридцать... – прошептал человек, запоминая.

– Сделай крышу – так, чтобы сверху она выступала на один локоть. Сбоку сделай дверь. Пусть будут в ковчеге первый ярус, второй и третий...

Тьма немного рассеялась, и человек увидел на волнах деревянный ковчег. Луч света, непонятно как пробившийся сквозь черноту неба, освещал его. Воистину, немного света достаточно для того, чтобы рассеять большую тьму. Деталей человек разглядеть не сумел, успел заметить лишь то, что вокруг ковчеге вода почему-то оставалась спокойной. По-прежнему вздымались и сшибались друг с другом валы, кружились водовороты, сверкали молнии, но это было где-то там, в стороне от ковчеге. Ковчег же лишь слегка покачивало на воде.

– Я затоплю землю и уничтожу на ней всех, в ком есть дыхание жизни. Я пошлю на землю дождь – он будет литься сорок дней и сорок ночей – и Я смету с лица земли всех, кого Я создал...

– Неужели всех?! – ужаснулся человек. – Неужели?!

Сердце на мгновение замерло, а потом застучало в груди вдвое, нет – втрое, вчетверо сильнее обычного. Все, кто живет на земле, погибнут?

– Все, кто живет на земле, погибнут... – подтвердил Голос.

– На все воля Твоя, Господи! – произнес человек, стискивая зубы, как можно крепче.

Он увидел морское дно, увидел то, что вчера еще было столицей, а сейчас стало морским дном. Вода уже начала подмывать глинобитные строения, и они словно таяли, размываясь. Только дворец правителя и Башня Смерти стояли невредимыми. Камень – не глина, воде так сразу с ним не справиться. Но крыши уже не было ни на дворце, ни на башне. Эта вода, вода потопа, насланного свыше, справится со всем, нет для нее преград.

– Но с тобою будет у Меня договор, что Я беру тебя под свое покровительство...

Радоваться своему спасению или скорбеть о гибели мира? Может ли капля воды радоваться, когда высохло море? Может ли песчинка быть счастлива, когда ураган унес весь остальной песок? Что есть человек сам по себе, без других людей? Дыхание Божье живо в каждом, но велика ли радость дышать одному? И можно ли жить, если... И зачем тогда жить?

– Ты войдешь в ковчег – с сыновьями, женой и женами сыновей и возьмешь с собой по паре из всех живых существ, самца и самку, чтобы и они вместе с тобой уцелели... – продолжал голос.

Слова падали как камни. Тяжелые, неподъемные глыбы – вот что такое эти слова. Голос был бесстрастным, но в то же время звучала, чувствовалась в нем великая боль. Разве не больно Отцу смотреть на гибель детей своих?

– Возьми с собой всякой пищи – сделай запасы себе и им...

От небывалого по силе волнения, человек потерял сознание и рухнул на землю.

– Я вижу, что из всех ныне живущих ты один праведен предо Мною, – донеслось до него уже по ту сторону бытия.

Сколько он пролежал так, человек не помнил. Наверное, долго пролежал, потому что, когда встревоженная жена разбудила его, было уже светло.

Глава 2

Убийство

– Убили! Убили!

Невестка Шева, жена младшего сына Иафета, женщина хорошая, скромная, работающая, но уж очень пугливая. То муравья за скорпиона примет, то бродячую собаку за льва. Страх, как известно, ходит рука об руку с мнительностью – если нет рядом муравья, которого можно принять за скорпиона, то Шева его придумает. Но при всех своих недостатках, она нравилась Ною больше, чем старшая невестка Сана, жена сына Сима. Сана очень сдержанная, никогда не поймешь, что у нее на уме. А простодушную Шеву можно читать легко, как свиток, написанный искусным писарем. И услужлива она, причем без какой-то корысти. Просто характер такой у человека, привычка такая – делать добро окружающим, угадывать их желания. Захочешь пить, рта раскрыть не успеешь, чтобы сказать об этом, а Шева уже спешит к тебе с чашей холодной воды в руках. Повезло Иафету с женой, хорошая ему попалась. Потому Ной и не был против того, чтобы младший сын Иафет женился вперед среднего Хама. Хорошая девушка – это счастье. Упустишь – достанется другому.

Старшему, Симу, тоже повезло с женой, только по-своему. У каждого свое счастье. Сана молчалива, сдержанна, но ума у нее на троих. Если сомнения одолевают, то нужно озвучить их так, чтобы слышала Сана. Назавтра Сим улучит удобный момент, степенно огладит свою бороду и скажет: «Знаешь, отец, мы с Саной тут подумали...». Нет ничего отрадней этого «мы» для отцовского уха.

Среднему же, Хаму, все никак не встретится хорошая девушка. Или, скажем честно, ни одной хорошей девушке не нужен такой муж, как Хам. Красотой и силой его Бог не обделил, как и других сыновей, умом тоже, но вот здравого смысла, того, что делает из мальчика мужа, Хаму недостает. Взрослый мужчина, а ведет себя, как ребенок. Точнее – как подросток, в котором только-только проснулась жажда настоящих взрослых удовольствий и настоящей взрослой жизни. Пирушки с такими же оболтусами, как и сам он, да блуд – вот, что такое взрослая жизнь в понимании Хама. Кого винить в том, как не

самого себя? Кто виноват в том, что примером для среднего сына стал не отец, а кто-то чужой, посторонний? Отец и виноват, недоглядел. Глядел, глядел, да недоглядел... Чересчур живой был мальчик, непоседливый, любопытный, но разве это грех? А потом живость сменилась ленью, а любопытство – любострастием. Сколько раз пытался отец поговорить с сыном по душам, но Хам отшучивался, уходил, ускользал от разговора. А разговор по душам – дело тонкое, не пристукнешь кулаком по столу, да не велишь сидеть и слушать. Стучать кулаком по столу и повелевать было не в обычае Ноя. Убедить важнее, убежденность дороже слепого подчинения, ибо главное мерило поступков скрыто внутри человека, в его душе и все настоящие поступки совершаются по этому мерилу. Только у Хама, кажется, мерило не в душе, а совсем в другом месте...

– Кого убили, Шева? – в голосе Эмзары не было тревоги, тоже, наверное, решила, что Шева по обыкновению преувеличивает.

«Ой, жизнь моя кончилась!» кричат, когда случается большое, настоящее, горе – умирает кто-то из близких или от удара молнии сгорает дом вместе со всеми амбарами. Шева же может причитать такими словами над разбитым кувшином с молоком. Ну, а если она увидит, как кошка прикончила мышонка, то будет рыдать весь вечер. Такая уж она, Шева.

– Ирада, матушка! Ирада убили! В поле убили Ирада!

Услышав имя соседа, Ной вскочил на ноги. Все утро он просидел в саду, где между деревьев было у него устроено нечто вроде беседки, места отдыха. Здесь, на свежем воздухе, в окружении листвы и плодов, хорошо отдыхалось и не менее хорошо думалось. Лежанку себе Ной сплел сам, крепкую, из толстых гладких ветвей, сам же вбил в землю жерди и приладил несколько тонких хворостин-перекладин, а все остальное сделала природа – протянула с трех сторон ветви и сомкнула над головой зеленый купол. С таким расчетом сомкнула, чтобы и защита от зноя была, и звезды ночью просвечивали. Как же без звезд? Бог создал звезды, бесконечные в своей численности, но подчиненные единому закону движения, чтобы ежедневно, то есть еженощно, напоминать людям о том, чьей воле они обязаны своим существованием и чьему закону должны следовать. Должны. Да – должны. Но следуют ли?

– Что ты говоришь, Шева? – удивилась Эмзара. – Кто мог убить Ирада?

В голосе ее зазвучала тревога, смешанная с недоверием.

– Это ты о нашем соседе? – уточнила она. – Или об Ирад-мельнике?

– О нашем соседе, матушка! – звонко отвечала Шева. – Ирад-мельник никогда не ходит по полям, он и на мельницу-то свое брюхо еле затаскивает! Соседа Ирада убили! Хоар уже там!

Действительно, кто мог убить соседа Ирада, тихого незлобивого молчуна? Про таких говорят – «он и котенку дорогу уступит». За все время соседства, а это столько лет, что сразу и не сосчитать, Ной не мог вспомнить, чтобы Ирад хоть раз повысил на кого-то голос, не говоря уж о том, чтобы пустить в ход кулаки. Сосед слова-то грубого никому никогда не сказал, а на все споры неизменно отвечал: «Будь по-твоему». Оттого и жил бедно, что не мог никогда взять справедливую цену за свой урожай, соглашался на то, что давали торговцы. А как они дают, всем известно, так дают, чтобы выгоду свою увеличить, насколько возможно. Опять же, жил Ирад бобылем, женился совсем недавно, детей наплодить не успел, братьев не имел, а в одиночку много ли наработаешь? Вот и перебивался с хлеба на воду, нередко обедал горстью фиников, а ужинал черствой лепешкой.

Ной спешил между рядов деревьев к выходу из сада, граничащего с полями, еще не представляя, что он увидит, но уже думая о том, кому и зачем понадобилось убивать Ирада. Точнее, о том, зачем понадобилось убивать. Поймешь «зачем», узнаешь и «кому».

Ной спешил так, что забыл перепоясаться, нес веревку, заменявшую ему пояс (такая была привычка издавна) в левой руке и помахивал ею. Полы одежд его развевались от быстрого шага, цепляясь за все, за что только можно было зацепиться, но Ной того не замечал. Одежды его были из простого добротного полотна и, зацепившись, не рвались, подобно одеждам из тонкой ткани. Светлого Ной никогда не носил, светлые одежды быстро пачкаются и потому не предназначены они для тружеников.

Зависть? Даже самый завистливый из всех завистников, такой, например, как торговец Атшар, не стал бы завидовать Ираду. Бедности, пусть и честной, невозможно завидовать, потому что ее не пожелаешь

себе. А завидовать можно только тому, чего желаешь. Что можно было пожелать из того, чем обладал Ирад?

Разве что его жену Хоар, молодую, стройную станом, тяжелую в бедрах и обжигающую взглядом? Может Хоар была неверна своему мужу? Нынче подобное не редкость. Но не принято любовнику убивать мужа своей любовницы. Любовнику, как козлу, пробравшемуся в сад, не пристало гневаться. Если лакомишься запретным, то как можно сердиться на того, от чьих щедрот ты пользуешься? Бывает, случается обратное – обманутый муж в своем праведном гневе творит суд над прелюбодеями. Но в этом случае редко когда доходит до убийства, чаще всего заканчивается побоями и посрамлением. Ирад мог с кем-то прелюбодействовать? Да уж скорее небо упадет на землю, а деревья заговорят человеческими голосами. Ирад и до женитьбы не был замечен ни в чем подобном, а уж после и подавно. Ной не раз видел, как смотрел на свою жену сосед. Глаза – отражение души. Язык может солгать, а глаза всегда говорят правду, только не каждому дано ее подмечать.

Корысть? Убивать хозяина, чтобы украсть быка, которого тот вывел в поле – это слишком! Тем более что бык – не курица, быка легко найти по приметам, да и красть быка сподручнее ночью, из стойла. А если не быка, то что украсть у землепашца в поле? Плуг или мотыгу? Нынче скверные времена, но за мотыгу, тем не менее, не убивают. Да и не стал бы Ирад (при его-то характере!) бороться с грабителями. Отдал бы и мотыгу, и плуг, и быка. Не потому что труслив, а потому что характер такой, спокойный и рассудительный. Пусть забирают, коли так, а я еще наживу. Хоть и жаль до слез своего добра, но оно, все же, не дороже жизни, не помирать же из-за него.

Мечь? Этого быть не могло, потому что корни мести в обиде, а Ирад никого никогда не обижал. Его даже заподозрить в чем-то подобном было невозможно. Какая мечь? За что? Разве что, напрочь лишившись рассудка, можно было бы замыслить мечь Ираду. Так же невозможно было опасаться какого-либо зла для себя от Ирада.

Тогда зачем убивать?

Плач Хоар, жены Ирада разносился далеко по соседним полям. То был даже не плач, а надрывный вопль, обрывавшийся на самой высокой ноте и тотчас же зарождавшийся вновь. Люди, собравшиеся на соседском поле, уважительно расступились перед подбежавшим

Ноем. Хоар, стоявшая на коленях над распростертым на недавно вспаханной земле телом мужа, никак не отреагировала на появление еще одного зрителя, пусть даже то и был сосед, человек совсем не чужой, а что-то вроде родни. Соседство, оно порой покрепче иного родства.

– Бедная, – тихо, как и подобает в таких случаях, шептались люди. – Как она теперь будет жить одна?

Родители Хоар давно умерли. Они сошли в могилу один за другим, сначала мать, а потом отец, когда Ахева, старшего брата Хоар, задрал лев-людоед. Одна сестра Хоар вышла замуж за шорника из соседнего города, а другая спуталась с каким-то бродячим торговцем, и где она сейчас, не знал никто.

– Найдет себе работающего парня и будет жить лучше, чем раньше! – сказал кто-то за спиной Ноя.

Нехорошо сказал, упрятал в невинную на первый взгляд фразу гнусный потаенный смысл. Ной обернулся, но не смог понять, кто это сказал. Односельчане старательно отводили взгляды в сторону, демонстрируя приличествующую скорбь.

Припадая на ушибленную накануне левую ногу, подбежала Эмзара, сопровождаемая Шевой. Шева осталась стоять поодаль, а Эмзара прошла мимо Ноя, склонилась над рыдающей Хоар, обняла ее за плечи и что-то зашептала на ухо. Хоар умолкла, несколько раз дернула простоволосой головой, что должно было, видимо, означать кивки согласия, затем медленно поднялась с колен и позволила Эмзаре увести себя. Шла она медленно, спотыкаясь на каждом шагу и то и дело оглядываясь. Ной отметил про себя, что подол платья Хоар был испачкан кровью, а еще удивился самому платью, слишком широкому для своей изящной хозяйки. Впрочем, многие женщины во время работы носят свободные одежды, и только закончив дела передеваются в нечто более нарядное, подчеркивающее достоинства фигуры и скрывающее недостатки. Несмотря на соседство, Ноем редко приходилось видеть Хоар вблизи. Как и подобало доброй жене, она была постоянно занята хозяйством и работами по дому. Если Ноем случалось по-соседски зайти к Ираду, Хоар тут же появлялась с каким-нибудь угощением в руках, приветствовала с неременной своей улыбкой, отвечала благопожеланием на благопожелание и уходила.

«Моя Хоар – как тень, – шутил Ирад, – всегда рядом, но при этом ухитряется быть незаметной».

Шева не пошла с Эмзарой и Хоар, а осталась стоять там, где и стояла. Встретившись взглядом с Ноем, она сокрушенно покачала головой и погладила себя правой рукой по животу. «Ах, вот в чем дело! – запоздало сообразил Ной, пеняя себе за недогадливость. – Соседка ждет ребенка, а я этого не заметил без подсказки! Бедное дитя, которому не суждено увидеть отца своего... Бедный Ирад, не успевший порадоваться первому крику и первой улыбке своего ребенка...»

Весть об убийстве на какое-то время затмила все, в том числе и полученное ночью божественное откровение. Убийство соседа, это все равно, что убийство в своем доме. Ладно – пусть не в своем доме, а на пороге его. На пороге – вот точное определение.

Но стоило только волнению немного уняться, как Ной *вспомнил*. Сердце пронзило болью, сильной, острой, жгучей болью, от которой спирает грудь и темнеет в глазах.

Разве возможно такое?

Неужели, все обречены? Все, кто стоит рядом, обречены? Хоар обречена? Ее не родившийся ребенок обречен? Нет, не может такого быть! Он неправильно понял, неверно запомнил, все не так! Не так! Не так!!!

В ответ на сомнения Ной снова услышал Голос. На этот раз Голос был тих и звучал только внутри, словно поднимался из глубины сердца. Но это был тот же самый Голос и говорил Он те же самые слова.

– Я затоплю землю и уничтожу на ней всех, в ком есть дыхание жизни...

Ираду было уже все равно. Раскинув руки в стороны, лежал он лицом вниз, словно намереваясь напоследок обнять свою землю, землю, принадлежавшую еще его деду Малху, землю, обильно политую потом нескольких поколений. Мотыга с отполированными ладонями черенком из тиса, лежала в локте от тела Ирада, справа. Возле мертвого хозяина и мотыга казалась мертвой, уже не надеющейся послужить кому-то.

«Все, кто живет на земле, погибнут...»

Ирад погиб не от воды, а от ножа, торчащего из его спины. Судя по плохому, небрежно оструганной деревянной рукояти, нож был из самых простых, из недорогих. Такой нож можно не забирать с собой, а оставить в трупе. Не жаль такого ножа.

«Но с тобою будет у Меня договор, что Я беру тебя под свое покровительство...»

Дешев нож или дорог, а жизнь отбирает одинаково. И нет никакой разницы, чем ударили человека, таким вот простым оружием или богато отделанным кинжалом из закаленного в трех водах – дождевой, родниковой и колодезной и остуженного в молоке железа. Конец один, а, стало быть, и суть едина. Но лучше, наверное, такая смерть – внезапная, мгновенная (если клинок воткнуть в этом месте, то он непременно пронзит сердце), чем утопление в воде во время потопа.

«Ты войдешь в ковчег – с сыновьями, женой и женами сыновей...»

Четверо мужчин, переглянувшись друг с другом, занялись Ирадом. Нож был извлечен и с отвращением отброшен в сторону. Тело перевернули на спину и закрыли лицо, искаженное гримасой боли куском полотна, оторванного от полы рубахи Ирада. Затем бездыханное тело подняли за руки и за ноги и понесли по направлению к дому. Мотыга Ирада осталась лежать там, где лежала.

«Ты войдешь в ковчег...»

Собирался человек подровнять канавки для воды перед очередным поливом, и встретил свою смерть. Неисповедимы пути всего сущего, неподвластны нашему пониманию.

«Ты войдешь в ковчег...»

– В какой ковчег, отец? – услышал Ной озабоченный голос Шевы. – Зачем мне туда входить?

– Так надо! – ответил Ной и быстрым шагом пошел по направлению к дому.

– А где тот ковчег? – волновалась Шева, спеша за ним. – И далеко ли мы на нем поплывем?

– В новую жизнь, – не оборачиваясь, ответил Ной.

– В новую жизнь? – переспросила Шева. – А что будет со старой жизнью? Я не хотела бы себе другой жизни! Вдруг там не будет моего Иафета?

– Будет! – по-прежнему, не оборачиваясь, чтобы не встречаться взглядом с Шевой, пообещал Ной. – Иафет там будет!

Он готов был сейчас отдать левую руку за то, чтобы невестка больше не задавала вопросов. Видимо, Шева уловила настроение свекра, потому что до своих ворот они шли молча. Или просто ей ничего не было надо, кроме любимого мужа. Иафет там будет – значит, все хорошо.

К воротам они подошли одновременно с Хамом. Ной с недовольством отметил бледность сына и темные круги под его глазами. Все ясно – опять или кутил всю ночь, или утолял свою похоть с какой-нибудь охочей до утех женщиной. А может, делал и то, и другое, оттого и выглядит таким уставшим. Какой из него сегодня работник? Да из него в последнее время вообще работник никудышный, нельзя же без конца путать день с ночью. Вот сейчас заведет свою обычную речь о болях в спине...

– Что-то спину сегодня ломит, отец, – сказал Хам, глядя прямо в глаза Ною.

И еще поясницу рукой потер, хитрец, чтобы отец скорее поверил.

– Куда же ты ходил так рано с больной спиной? – ласково спросил Ной, шурясь на восходящее над оливами солнце.

– К роднику, отец, – не моргнув глазом, соврал Хам, дохнув на Ноя запахом перебродившего сока. – Родниковая вода лечит любые болезни. Так, во всяком случае, утверждает Нуша, и у меня нет причин ей не верить.

Нуша, дочь столяра Лама, полубезумная, еще не очень старая, но уже иссохшая женщина, зарабатывала на жизнь гаданиями. Считалось, что иногда ей удается прозреть будущее. Правда, предсказания ее были настолько туманны и расплывчаты, что толковать их можно было по-всякому. Эмзаре же она когда-то давно, незадолго до рождения Иафета, предсказала, что у нее родится девочка. С тех пор Эмзара отзывалась о Нушиных способностях с иронией. Если бы она сейчас услышала слова Хама, то непременно посоветовала бы ему принимать Нушины слова на веру с великой осторожностью. А потом бы увела в дом, уложила на ложе и стала бы греть в очаге камни. Горячий камень, завернутый в полотно – лучшее лекарство от болей в спине. Но болезнь Хама горячими камнями не вылечить... К сожалению.

– В твоём возрасте надо пить из *своего* источника, – назидательно сказал Ной, сделав ударение на предпоследнем слове. – Дстойному человеку незачем бегать по чужим родникам. А ещё дстойному человеку следует предпочитать воду всем прочим напиткам.

– Даже молоку? – поинтересовался непутевый сын.

– Не время шутить! – оборвал его Ной. – Иди к своим братьям и приведи их ко мне. Есть очень важное дело. А ты, дочка, пока займись делами Эмзары.

Шева кивнула и скользнула в ворота.

– А куда ушла мать? – поинтересовался Хам.

Не дожидаясь ответа, он распахнул перед отцом приоткрытую Шевой створку ворот и отступил на шаг в сторону, дожидаясь, пока тот пройдет. Подобное проявление сыновней почтительности не произвело на Ноя ожидаемого действия, скорее наоборот. Ной не любил ничего чрезмерного и умел отделять притворное от непритворного.

– Убили нашего соседа Ирада, – сухо ответил он, хмуря свои густые брови. – Мать сейчас успокаивает Хоар.

– Кому понадобилось убивать Ирада? – пожал плечами Хам.

Больше он ничего не сказал. Дождлся, пока Ной войдет во двор, затворил ворота и отправился на поиски братьев. Сим ещё на рассвете повез зерно на мельницу и должен был вот-вот вернуться. Иафет вроде бы собирался с утра окапывать оливы.

«Удивительно, что Иафет не прибежал к месту убийства Ирада, – подумал Ной. – Неужели он не слышал плача Хоар?»

Это действительно было удивительно. Особенно с учетом того, что у Иафета был очень тонкий слух. Каждый из сыновей Ноя и Эмзары отличался от остальных каким-то особенно развитым чувством. Сим – зрением, Хам – обонянием, а Иафет – слухом. Удивительно, даже странно, что Иафет не слышал, как плакала Хоар. Если бы услышал, то непременно прибежал узнать, в чем дело, ведь сердце у Иафета доброе, отзывчивое. Странно, странно.

Но ещё страннее было то равнодушие, с которым Хам принял известие об убийстве Ирада. Не собаку бродячую (хотя и её тоже жаль) убили, а доброго соседа. Другой бы взволновался, не поверил, принялся бы расспрашивать, а Хам только и спросил вслух, кому, мол, понадобилось убивать Ирада. Даже не столько спросил, сколько

выразил тоном своего голоса уверенность в том, что Ирада убивать незачем.

Но ведь, тем не менее, кто-то всадил ему нож под левую лопатку.

Несчастный Ирад.

Несчастливая Хоар, носящая под сердцем сироту.

Несчастный сирота.

Несчастливые люди, от которых отвернулся их Отец. Они теперь тоже сироты. Сироты обреченные на гибель. Но милость Его велика, и тот, кто хочет спастись, непременно спасется.

Глава 3

Начало

Собрались в главном покое, там, где трапезничали всей семьей. Ной сидел на обычном своем месте, во главе стола, а сыновья на топчане у южной стены.

Началось с клятвы. Шева принесла только что испеченную лепешку, положила на стол перед Ноем и удалилась. Сыновья положили правые ладони на лепешку и по очереди поклялись хранить тайну. Когда умолк Иафет (дети всегда говорили по старшинству, начиная с Сима), Ной положил поверх трех рук свою ладонь и сказал:

– Да будет так!

После того, как лепешка была разломлена на четыре части и съедена, можно было начинать рассказ. Ной пересказал слово в слово то, что слышал, умолчав о своих думах.

Говорил и следил за выражением лиц сыновей – как воспримут они такую новость. Сим степенно, как и положено старшему сыну, кивнул, огладил бороду, закатил глаза кверху и зашевелил губами. Явно начал подсчитывать, сколько дерева понадобится на постройку ковчега. Гофер недешев, но если уж строить Ковчег Спасения, то только из него, ибо это дерево крепче, надежнее, чем брош и эрез, и растет в изобилии. На большое количество дерева можно будет получить у торговцев хорошие скидки...

Хам таращил глаза, нервно сглатывал и время от времени тряс головой, выражая согласие и повиновение. «Женить тебя надо, – подумал Ной. – Сказано же: «Ты войдешь в ковчег – с сыновьями, женой и женами сыновей...», да и если не жениться сейчас, до потопа, то на ком жениться после? Нет, будет на ком жениться, ибо не может быть так, чтобы на земле не нашлось еще сколько-то праведных душ, но во время столь серьезного испытания мужчине лучше быть женатым, иметь свою семью, а не просто быть частью родительской семьи. Семья придает сил и стойкости. Да и лишние руки, свои руки, пригодятся во время постройки». Под эти мысли сразу же вспомнилась Гишара, дочь гончара Арега, убитого вместе с женой в прошлую зиму разбойниками. Захотел человек продать свой товар подороже и повез

его в столицу, да обратно уже не вернулся – подстерегли на обратном пути лихие люди, отобрали деньги и волов и, не удовлетворившись этими злодеяниями, убили несчастных. Явно грабители были знакомы Арегу, иначе зачем убивать? Что за времена настали? Кому можно доверять? Гишара – хорошая девушка, живет честно, блюдет себя в достоинстве, научилась выделывать шкуры и этим зарабатывает себе на жизнь. Не самое легкое ремесло, одна вонь чего стоит, да и скоблить приходится много, но Гишара справляется, не унывает. Хорошая девушка, Хаму она, кажется, нравится. Он на нее так смотрит при встрече... Впрочем, Хам на всех приятных лицом и телом женщин так смотрит, сладострастник.

Сильно удивил Иафет. И тем, что держался скованно, и тем, что в глаза отцу смотреть избегал, уставился в пол, да так и сидел. Ной даже поинтересовался его здоровьем, но Иафет ответил, что чувствует себя хорошо. С Шевой у них, что ли, нелады? Не похоже, Эмзара бы сразу почувствовала, а то и Шева сама бы призналась. Шева не из тех, кто держит плохое в себе. «Пройдет, – решил Ной, глядя на отвернувшегося в сторону Иафета. – Молодость переменчива в настроениях. А если не пройдет? А если не пройдет, надо будет поговорить с сыном».

– Что вы мне скажете? – спросил он, дав сыновьям немного времени на обдумывание услышанного.

– Мы с тобой отец! – сразу же заявил Сим, переглянувшись с Хамом.

– Я хочу услышать каждого, – сказал Ной. – Пусть скажут Хам и Иафет.

– Сами не справимся! – заявил Хам. – Нужно искать помощников!

– Будь по-твоему, отец, – сказал Иафет, по-прежнему не поднимая взора.

– Помощники нужны, – согласился Сим. – Только что мы им скажем?

Вопрос был по делу, Сим вообще всегда высказывался по делу, зря слов не ронял. Помощники, конечно, нужны. Триста локтей в длину, пятьдесят в ширину и тридцать в высоту^[1] – это не шутка. Да еще три яруса, то есть – два сплошных настила. Много, очень много работы.

– Мы скажем, что строим ковчег, – после недолгого раздумья ответил Ной. – Потому что мы действительно строим ковчег. А больше мы ничего не скажем. Потому что мы не вправе говорить что-то еще. Если Богу угодно поступить так, то зачем отравлять людям остаток жизни?

– Чтобы они ужаснулись и образумились! – Иафет поднял голову, на мгновение встретился взглядом с отцом и снова уставился в пол.

«Страдает, – догадался Ной о причине такого состояния сына. – Ему, как и мне, тягостно видеть все, что творится вокруг. И Шева, наверное, уже успела шепнуть, что убили Ирада. Людям с чутким сердцем нынче тяжело...»

– Ужас не может образумить, сын мой, – мягко сказал Ной. – Страх еще никого не исправил. Вера и любовь – вот те опоры, на которых стоит человек!

– А я думал, что человек стоит на ногах! – съязвил Хам.

Сим, ничего не говоря и не сильно замахаясь (а то и убить недолго) отвесил брату затрещину. Хам ойкнул и свалился с лавки, на которой сидели все трое. Ной нахмурился, ибо сам никогда пальцем не тронул детей своих, но суровость его была притворной – Хам получил заслуженное. Негоже шутить, когда отец говорит о важном.

Потирая затылок, Хам поднялся на ноги и недобро сверкнул глазами в сторону старшего брата. Тот ухмыльнулся и будто невзначай сжал пальцы правой руки в кулак. Кулак был размером почти с голову Хама. В позапрошлую весну у вдовы Хамар ни с того ни с сего сбесился бык, не иначе как сглазил кто. Он выскочил из стойла, снес ограду и помчался не разбирая дороги, топча и бодая всех, кто не успел отскочить и безобразничал до тех пор, пока не наткнулся на кулак возвращавшегося с поля Сима. Наткнулся – и испустил дух еще до того, как упал на землю. Слава Богу, что Симу никогда еще не приходилось обращать свою силу против людей. Затрещина вроде сегодняшней не в счет. Если бы Сим ударил со всей силы, Хама уже можно бы было оплакивать.

Хам демонстративно уселся слева от Иафета, давая понять, что обиделся и не желает сидеть рядом с Симом. Добрый Иафет подвинулся, чтобы брату было удобно сидеть, и ободряюще похлопал его по колену.

– Человек действительно стоит на двух ногах, – сказал Ной, утверждая мир между сыновьями. – Но я говорил о наших духовных опорах, имя которым вера и любовь. Мы должны верить в безграничную милость Всевышнего и любить всех так, как мы любим его.

Неугомонный Хам фыркнул и укоризненно покосился на Сима.

– Ты Сим принеси счетную доску и кусок угля, а вы двое возьмите мерный угол, топоры да мотыги и идите на старый луг, – поспешил распорядиться Ной. – Отмерьте триста локтей в длину и пятьдесят в ширину и сделайте метки – вбейте в землю колья через каждые десять локтей. Там будем строить ковчег.

Старый луг, раскорчеванный еще дедом Ноя Метушелахом, был удобным местом для строительства – просторным, есть, где работать и где материалы сложить, относительно ровным и к тому же находился на отшибе, вдали от любопытных глаз. От людей, конечно, ничего не скроешь, но в уединенном месте, с трех сторон окруженном лесом, работать спокойнее. К тому же на северной окраине луга бил из-под земли родник, называемый источником Метушелаха. Вода в нем была немного сладкой на вкус и не только утоляла жажду, но и придавала сил. Во время трудной работы хорошо иметь рядом такой источник.

По преданию, устав корчевать пни, Метушелах отошел в тень дерева и ждал там свою жену, которая должна была принести воду и еду. Жена все не шла, и тогда Метушелах рассердился и в сердцах топнул ногой. Тотчас же из-под земли забил родник с чистой прохладной водой. Метушелах возблагодарил Бога за чудо, а потом утолил жажду и принялся обкладывать родник камнями, чтобы домашняя живность, пригоняемая на выпас, или дикие звери не затоптали его. Эмзара, сведущая в лечебных зельях, готовила свои настои и отвары только на воде из источника Метушелаха.

– Может, лучше строить у реки, отец? – спросил Иафет, снова лишь на мгновение поднимая взор. – Будет меньше вопросов.

– Ковчег не по нашей реке, – ответил Ной. – К тому же у реки нет подходящего места, да еще такого, чтобы оно принадлежало нашей семье. Что же касается вопросов, то отвечайте всем, что мы строим ковчег. Спросят зачем, скажите, что так надо, и больше ничего не говорите. Поспрашивают – и отстанут. Помните о данной вами клятве!

Женам расскажите, но прежде пусть они тоже поклянутся на хлебе, что будут хранить молчание. Идите!

Расчеты затянулись надолго. Ной прикидывал, переставлял по канавкам счетной доски белые и черные камушки, обсуждал с Симом результат, а потом Сим делал углем пометку перед собой на столе. Пометки сменяли одна другую, Сим стирал написанное ладонью, и оттого ладонь быстро почернела.

– Вымой руки и возьми какую-нибудь ветошь, – посоветовал Ной.

– Потом вымою, – ответил Сим.

– Возьми ветошь! – повторил Ной. – Знаешь же, что говорят люди – от черного сердца чернеет левая рука. Не призывай и не получишь!

Сим, чтобы не отвлекаться, поплевал на ладонь и вытер ее о колено свои штаны. Штаны были рабочими, потому никакого ущерба им не случилось. Рубаха тоже была рабочей, выгоревшей до желтизны на спине и темной, почти черной на локтях. Сим стал стирать написанное рукавом.

По самым благоприятным предположениям (точных нынешних цен на гофер и гвозди Ной не знал, ибо в последнее время покупать материалы для строительства не приходилось), так вот, по самым благоприятным прикидкам, средств семьи могло хватить только на материалы.

На оплату труда помощников, даже если нанимать меньше дюжины, ничего не оставалось. Ну – почти ничего.

– Кто-то время от времени может работать с нами бесплатно, – сказал Сим, записав итог. – Ты же много помогал людям, отец. Не все еще забыли добро.

– Если человек бескорыстно помогает строить ковчег, то он должен войти в него...

Противоречивые чувства – недоумение, жалость, твердое желание в точности исполнить Высшую волю и в то же время дать шанс достойным, снова забурили в душе. Ной выждал немного времени, успокаиваясь, и продолжил.

– Надеюсь, что все, кто поможет нам спастись, спасутся вместе с нами. Возможно, говоря о сыновьях моих и их женах, Господь имел в виду всех тех, кто разделяет мои чаяния, не только плоть от плоти моей, но и дух от духа моего... Не знаю, сын, не знаю... Еще вчера я

был совсем другим. Господь наш даровал мне надежду, но вместе с ней возложил на мои плечи груз, тяжесть которого очень велика...

– Мы справимся, отец! – в подтверждение своих слов Сим стукнул кулаком по столу, да так, что по одной из досок столешницы зазмеилась трещина. – Мы построим ковчег! Я могу работать за семерых, Иафет тоже будет стараться на совесть, а насчет Хама ты не волнуйся. Я за ним присмотрю!

– Воздействуй словом и примером, а не кулаками, – попросил Ной. – Мы справимся, Сим. Мы не можем не справиться, исполняя Божью волю, ибо Он не понуждает к непосильному. Но будет нелегко. Придется работать не щадя себя и урезать траты насколько возможно. А еще ведь надо взять с собой в ковчег запасы еды. Я совсем забыл про это!

– В ковчеге нам не придется работать, тратя силы, поэтому еды много не понадобится, – рассудительно заметил Сим. – Я в дни праздности ем вдвое меньше...

– Но тем не менее еды понадобится запasti много. Было сказано мне, что сорок дней будет лить дождь, а ведь надо еще время для того, чтобы вода сошла. Я думаю, что для этого понадобится втрое больше времени, три раза по сорок дней. Много понадобится еды.

– Ближе к концу строительства мы можем продать землю! – заросшее бородой скуластое лицо Сима просияло от мысли, показавшейся ему очень хорошей. – Ведь она нам уже не пригодится!

– А тому, кто ее купит, она разве пригодится? – ласково поинтересовался Ной.

– Ну-у-у... – замялся Сим. – Мы ведь можем продать землю какому-нибудь подлецу. Например – Элону. Или кому-то из приспешников Явала!

– Можем, – согласился Ной. – Но тогда мы станем такими же подлецами. Разве я не учил вас, что злодеяние, обращенное против злодея, не становится добром?

– Учил, – кивнул Сим, краснея лбом, ушами и верхней частью щек, что была на виду.

– Может, ты вспомнишь, по какому правилу можно мерить свои поступки?

– Чего хочешь получить от людей, то делай им сам, а чего не хочешь – не делай, – проурчал себе под нос Сим. – Но ведь земля

пропадет, отец!

– Весь мир пропадет! – напомнил Ной. – Но если мы спасемся, он станет нашим. Если! Ты – хороший человек Сим и хороший сын. Ты помнишь свой долг, но не забывай, молю тебя, что одним-единственным дурным поступком ты можешь стереть все хорошее, что было тобой сделано. Всегда помни об этом и ради меня будь ты поласковее с Хамом. В его голове пока еще не созрело достаточно разума, а ты своими затрещинами можешь выбить последнее.

– Было бы что выбивать, я бы поостерегся! – хмыкнул Сим, пряча улыбку в бороде. – Твоя доброта, отец, великое благо для всех нас, но Хаму она не всегда идет на пользу...

Сим говорил не напрасно. Когда они пришли на луг, то увидели там усердно машущего мотыгой Иафета и прохлаждающегося в тени Хама. Хаму было настолько вольготно отдыхать, пока брат трудится, что он даже заснул.

– Просыпайся, братец! – гаркнул Сим, склоняясь над спящим братом. – Красавицы принесли тебе браги и сладких плодов!

Хам открыл глаза, резво вскочил на ноги и сразу же схватился за голову обеими руками.

– О, моя голова! – возопил он, глядя то на отца, то на брата. – От твоего удара, Сим, в голове моей произошло потрясение и сейчас я испытываю ужасную боль, которая усиливается, стоит мне только нагнуться... О, как я страдаю! Потому и...

– Опомнись, Хам! – одернул сына Ной. – Речь идет нашем спасении, а ты позволяешь себе отдыхать, когда надо работать! Не поступай так впредь! Если не дорожишь моим расположением, то помни, хотя бы, что Господь награждает достойных, карая недостойных, а не наоборот! Бери мотыгу и пошли на поле.

Трудились долго, обедали здесь же, хлебом и плодами, что принесла Сана, а заканчивали уже при свете луны. Устали знатно, но зато полностью подготовили место для строительства.

Иафет, усердный не только телом, но и умом, взялся назавтра нарисовать то, что им придется строить с положенными перекрытиями и перегородками и сосчитать, сколько примерно дерева и гвоздей понадобится для строительства. Симу и Хаму Ной поручил проверку и пересчет запасов. Надо отложить для себя немного, уповая на то, что еще удастся собрать, а все остальное продать или обменять на дерево и

гвозди. Потрудятся день бок о бок, глядишь и пойдут друг к другу. К тому же Хам, при всей своей безалаберности, искусен в счете – складывает, отнимает, умножает и делит в уме так, что со счетной доской в руках за ним не угнаться.

Сам же Ной с утра собрался переговорить кое с кем из торговцев, а затем присоединиться к Иафету и помочь ему с расчетами. Иафет умен, но нет у него того опыта строительства, который есть у отца, не просто знавшего плотницкое дело, но и любившего его. А как можно не любить плотничать? Разве не славно строить своими руками что-то нужное, полезное?

За ужином рассказали о том, что услышал Ной ночью, женщинам, сначала взяв с них клятву молчания. Женщины не удивились и вообще повели себя достойно – не стали причитать и рвать на себе волосы в плаче. Посуровели лицами, переглянулись друг с другом, повздыхали немного (без этого женщинам никак нельзя) и более ничего. Ной хотел сказать нечто ободряющее, но решил приберечь ценные слова на потом, когда они будут нужнее. От частого употребления слова обесцениваются, теряют заключенную в них силу. И, если не от чистого сердца сказаны слова, нет в них силы. Слуги правителя заставляют народ кричать: «Слава Явалу! Да живет и правит он вечно!», но разве прибавится хоть на зернышко тилы блага от таких пожеланий, вырванных из глоток под угрозой палки или меча? Чтобы иметь силу, слова должны совпадать с мыслями, иначе нельзя.

Порадовало то, что Иафет к вечеру слегка посветлел взглядом, но огорчило, что хмурилась Эмзара. Еще до сообщения великой новости начала она хмуриться, а ведь утром, у распростертого на земле тела Ирада, была она скорбной, но не яростной. Сейчас же глаза так и посверкивали из-под насупленных бровей и ласковая улыбка мужа не могла превратить это сверкание в обычный благодатный свет. «Что за день такой?» – подумал Ной и перед сном долго молился, особо попросив милости Божьей для покойного Ирада, настоящего из сыновей добродетели.

– Как там соседка? – спросил Ной у Эмзары, ожидавшей его на ложе.

Эмзара никогда не засыпала без него, говорила, что без мужа сон к ней не приходит. То была не ревность, как могли подумать легко

думы, а ответственность. Хранительница очага и покоя не вправе почивать, пока ее муж занят делами.

– Плачет. Успокаивается ненадолго и опять плачет. Я позвала ее к нам на эту ночь, но она отказалась. За весь день ничего не ела и не пила. Бедняжка немного не в себе, даже не могла вспомнить, куда Ирад прятал то, что ему удавалось сберечь. Я заплатила тем, кто его похоронил.

– Хорошо сделала, – одобрил Ной, ложась рядом с женой и накрываясь легким полотняным покрывалом. – Может, там и не было никаких сбережений. Люди почему-то стесняются признаваться в том, что у них ничего не отложено на черный день.

– Или не хотят лезть в потаенные места на глазах у других.

– Возможно и так. Если Хоар будет пытаться вернуть тебе деньги, не бери их. От нас не убудет, а ей даже малая толика пригодится во вдовьем положении.

– От нас не убудет, – согласилась Эмзара, но тон, которым были сказаны эти слова, не понравился Ною.

– Что такое? – спросил он, приподнимаясь на локте. – Что случилось, жена? Чем ты недовольна? Что тебя расстроило? И не знаешь ли ты, чтостряслось с Иафетом, он сегодня сам на себя не похож?

Только выпусти на волю вопросы и им не будет конца.

– Иафета что-то беспокоит, но что именно он не говорит. Шева тоже не знает, я ее спрашивала. Но причина моего недовольства в другом.

Эмзара умолкла, словно раздумывая о том, стоит ли продолжать дальше.

– В чем же? – поторопил ее Ной, которому после бессонной ночи и тяжелого, многотрудного и многодумного дня, сильно хотелось спать.

– В том, что люди говорят: «Ирад умер, и теперь его соседу не надо лазить через плетень к Хоар, можно проходить в ворота».

– Кто говорит такое?

Языки у людей стали, что змеиные жала. На одно доброе слово приходится столько дурных, что, считая, непременно собьешься со счета. Но всему есть мера, установленный предел. Или уже нет

никаких пределов, если даже Всевышний, не надеется на возврат людей к добру и решил известить их?

«Нет! – сверкнула молнией мысль. – Пока еще надеется! Иначе бы сам сотворил ковчег и послал бы его нам! Строительство ковчега это не только испытание достойных, но и предупреждение недостойным! Смотрите, думайте, кайтесь, спасайте свои души! В ком еще тлеет искра добра – поймет. Но ведь сказано: «Я вижу, что из всех ныне живущих ты один праведен предо Мною». Один? И так уж ли праведен? Ох, как трудно скудным умом своим постигать Высшую правду!».

– Хотя бы Ноама, жена старосты...

– Сех – глаза и уши Явала, а Ноама – язык его! – отмахнулся Ной, снова ложась на спину. – Нашла кого слушать, жена! Сех с Ноамой еще не то наговорят на меня, желая подольститься к правителю. Разве ты вчера родилась, что не понимаешь таких вещей?

– Родилась я не вчера, – проворчала Эмзара, – но почему ей тогда поддакивали другие? А толстуха Ребада хихикала и говорила, что горе одного приносит благо другому! Может, было так, что ты дал повод для подобных разговоров?

– Мне обидно слышать от тебя такие слова, Эмзара. Разве хоть раз я давал тебе повод усомниться в моей любви? Хочешь, принеси хлеб, и я поклянусь на нем, что никогда не ложился с Хоар, не входил к ней и даже никогда не вожделел ее. И, тем более, никогда не лазил через плетень! Видишь, как легко добились своего злые языки? Несколько лживых фраз, несколько коварных улыбок, и мы с тобой уже ссоримся! Разве так можно?

– При закрытых дверях и окнах сквозняков не бывает, – проворчала Эмзара. – Я вот тоже заметила, с каким участием ты сегодня утром смотрел на Хоар...

– Разве участие и вожделение есть одно и то же?! – возмутился Ной, поворачивая голову к жене. – Как я могу смотреть на только что овдовевшую соседку без участия? Ты сейчас несправедлива, жена! Верить надо тому, кто достоин доверия! Если завтра кто-то скажет мне, что покойный Ирад лазил к тебе через плетень, когда меня не было дома, то я рассмеюсь в ответ и ни за что не стану принимать эту чушь к сведению.

– Может, имели в виду Хама? – начала рассуждать вслух Эмзара. – Но тогда бы сказали «сын соседа», а не «сосед»...

Других соседей у покойного Ирада не было, сразу за его домом располагались сады, а дальше начинались поля.

– Разве у Хама что-то было с Хоар? – спросил Ной и тут же поправился. – Разве что-то могло быть?

– Не знаю, – после недолгого молчания ответила Эмзара. – Сыновья выросли, и я уже не могу понять, что у них на уме.

– Да, сыновья выросли, – согласился Ной. – Давай спать.

Он лежал неподвижно и ровно дышал, но сон уже не спешил взять его в свой сладкий плен. Хам мог что-то иметь с Хоар? Если мог, то это плохо вдвойне, нет – втройне. Как прелюбодеяние с замужней женщиной, как злоупотребление доверием доброго соседа и как связь с женщиной, муж которой был убит.

А ведь Хама ни ночью, ни утром не было дома... Он, конечно, не мог убить... При всех своих недостатках, Хам добр, сердце у него не ожесточившееся настолько, чтобы убивать... Или это просто так кажется, ведь известно, что родительская любовь порой делает людей слепыми, не способными замечать очевидное, находящееся прямо перед их глазами... И не стоит забывать о похоти, которая, если ее не обуздывать, способна затмевать разум и заставляя человека творить то, чего бы он в здравом уме никогда бы не натворил...

Мало было на сердце тяжести, так добавилось еще. Ной горько улыбнулся тому, как скоро может меняться ход мыслей человеческих. Еще за ужином он, глядя на Хама, испытывал грусть от того, что сын не таков, каким бы его хотелось видеть отцу. А сейчас, будь Ной уверен, что Хам непричастен к убийству Ирада, он бы радовался и не придавал бы такого значения недостаткам сына. Это же, в сущности, небольшие недостатки, которые со временем непременно выправятся и перейдут в достоинства, тому есть много примеров. Это не убийство ближнего, не великий грех...

Проницательности и терпения просил Ной у Господа до вторых петухов, а потом вернулся из своей молельни на ложе и заснул, еще не успев смежить веки.

Глава 4

Боль Эмзары

Если в одном месте прибавится, то в другом убавится. Это называется – справедливость. Та самая справедливость, на которой помешан мой муж. Каждое утро я благодарю Бога за то, что он послал мне такого хорошего мужа и каждый вечер я засыпаю с благодарностью на устах моих, но в течение дня случается мне пожелать, чтобы муж мой Ной, сын Ламеха, меньше бы думал о других и больше бы думал о своих. Повитуха Седа только и знает, что повторять, увидев меня: «Ах, Эмзара, сестра моя! Как отрадно знать мне, что ты жена праведнейшего из людей и достойнейшего из достойных!». А что мне с той праведности? Когда радость, а когда и слезы.

Муж мой добр, и это хорошо. Его доброта как крона дерева, дающая тень в палящий зной.

Муж мой добр, и в том есть свои недостатки. У другого отца сыновья не отбиваются от рук. Другой отец загодя ставит вымачиваться прутья и, когда придет час, берет их и воспитывает свое чадо, если то не внимает словесным увещаниям. Вдруг Хаму было бы достаточно одной хорошей порки для того, чтобы войти в ум? Хам такой – чует слабину нутром. Доброту он принимает за слабость и начинает пользоваться ею без меры и без пользы. Старшего брата он боится и почитает, как должно, потому что тот не гнушается воздать ему по заслугам, а к отцу не проявляет должного почтения. Господи, сколь чудны и непостижимы дела твои! Разве может быть так, чтобы одна утроба от одного же семени породила трех столь разных людей, как сыновья мои Сим, Хам и Иафет? Обликом они немного схожи, как и положено единоутробным братьям, и более не схожи ничем.

Сим – муж силы, скала, за которой можно укрыться от любого урагана. Кому-то он может показаться тугодумом, но это не так. Сим привык сначала думать, а уже потом делать или говорить, потому он делает не сразу или говорит не сразу. Но, если уж сказал, то сказал, сделал – так сделал. Таков он, Сим, первенец.

Хам в одних делах мужчина, а в других – сущий ребенок. Любовными похождениями он уже затмил многих искушенных сластолюбцев, браги дурманящей он может выпить столько, что на двоих достанет, если не на троих, а во всем остальном он ребенок. Нет в нем ответственности, не хочет он знать долга своего, не говоря уже о том, чтобы исполнять этот долг. Как ни говори с ним, какие слова не подбирай, до сердца его не достучаться. Если собрать все слезы, которые я пролила из-за Хама, то наберется на целое озеро... Я не столько боюсь, что Хам сделает что-то слишком дурного, сколько боюсь, что кто-то сделает дурное ему. Сборища, на которых чаша переходит из рук в руки, очень часто заканчиваются ссорой, а у любой охочей до блюда женщины, не один любовник, а несколько, и они вступают в соперничество друг с другом. Не собранный вовремя урожай сгнивает, не обретя семью в положенные сроки, человек тоже портится – сначала жизнь ему кажется сплошным удовольствием и он прикладывается к чаше на радостях, потом он начинает подмечать, что жизнь его не наполнена смыслом, что она – сосуд пустой, и начинает прикладываться к чаше с горя, а потом... Ох, достаточно посмотреть на тех несчастных, что побиваются по дорогам. Все написано на их лицах, надо только взглядеться. Я не раз заводила с Хамом разговор о женитьбе, ставила в пример братьев, и, даже, советовала ему обратить внимание кое на кого, но все тщетно. Но я своего добьюсь, да и Хам должен понимать, что сейчас ему надо взяться за ум, потом будет поздно.

Я надеялась, что он возьмется за ум, когда Иафет завел разговор о женитьбе. Всякий плод созревает в свое время, но не очень-то хорошо, если младший брат женится раньше старшего. То не младшему укор, а старшему. Значит, что-то со старшим не так, если он не смог до сих пор найти себе пару. Но Хам только смеялся и желал Иафету хорошей жены и многочисленного потомства. Так и женился Иафет вперед Хама.

Иафет – отрада моя. Недаром говорят, что младший ребенок – самый любимый. Так оно и есть, хоть я и не стараюсь показывать этого, чтобы двум другим не было обидно. Я люблю всех моих детей, но от вида Иафета или голоса его, мое сердце радуется сильнее обычного. Или огорчается сильнее обычного, когда я замечаю печаль на челе его, вот как сейчас. Спрашивать Иафета бесполезно, он

никогда не сказал и не скажет мне ничего такого, что может меня расстроить. Поэтому я спросила невестку Шеву, но та ответила, что не знает причины. Сказала, что спрашивала, но Иафет не признается. Шева еще молода, срок ее замужества невелик, и она еще не научилась понимать мужа без слов. Ничего, все приходит с опытом. Иафет не признается, но я думаю, что все дело в грядущем потопе. Я понимаю, как тяжело ему принять мысль о грядущей гибели мира. Ему тяжело, мне тяжело, всем нам тяжело, но тяжелее всего мужу моему, ибо он в ответе за нас перед Богом.

Муж сильно изменился. Я почувствовала это сразу, как только он, придя в себя, открыл глаза. Взгляд его стал другим, прозревающим, спрашивающим, испытующим... Я тоже стала другой – проснулась наутро и подумала о том, что правильно Господь не торопится награждать меня внуками. Зачем младенцам присутствовать при гибели мира? Пусть лучше они родятся потом, когда все страшное останется позади. Пусть они станут детьми нового мира, мира, в котором не будет места порокам и дурному. А ведь еще три дня назад я советовалась со сведущими женщинами относительно трав, дающих мужчинам крепкое семя, а женщинам плодовитость. Как же так – пора бы уже четверых внуков иметь, если считать по обычному счету, а у меня ни одного еще нет! В каждой своей молитве я просила у Господа прибавления в семействе моем, а теперь впору просить о обратном... А вообще-то, когда случится, тогда пусть и случится. Как бы то ни было, что бы кругом ни происходило, а рождение ребенка всегда должно приветствовать.

Ковчег! Триста локтей в длину! Пятьдесят в ширину! А в высоту – тридцать! Какой огромный ковчег! Хотела бы я знать, сколько локтей в длину и ширину насчитывает дворец правителя Явала! Думаю, что дворец меньше ковчега, хоть и не обходила его с мерным локтем. И не тридцати локтей в высоту дворец, от силы в десять. Сможем ли мы построить такую громаду? Достанет ли нам сил? Муж верит, что сможем, значит, и я должна верить. Я верю – а как же иначе, но сомнение время от времени начинает глотать меня изнутри. Может быть потом, когда ковчег будет построен хотя бы на четверть, сомнения пройдут, но сейчас, пока я не вижу ничего, кроме разложенных на земле досок и копошащихся возле них людей, я сомневаюсь... Муж улыбается в ответ на мои тревожные вопросы, и

эта улыбка успокаивает меня. Но улыбается он не всегда, когда думает, что я не вижу, может хмуриться в раздумьях. А вчера он повысил голос на Шеву, которой вздумалось пожелать после потопа жить там, где земля не нуждается в поливе и возделывании, а родит сама. Шева простодушна и не всегда отличает глупое от умного. Муж посоветовал ей желать спасения и ничего более, а еще сказал, что из всех земель мира ни одна не создана для лодырей, ибо всякая земля дает благо в обмен на заботу о ней и добавил, что если бы Богу было бы угодно, чтобы люди проводили свои лета в праздности, то спелые плоды и свежее испеченные лепешки падали бы прямо с неба. Случилось у меня однажды такое, когда я носила Хама. Коршун унес курицу гончара Авии и почему-то захотел выпустить ее из когтей, когда пролетал над нашим двором. Я несла в дом высохшую после стирки одежду, когда мне под ноги упала окровавленная курица. От испуга я чуть было не родила раньше положенного срока и несколько ночей не могла заснуть до тех пор, пока муж не клал мою голову себе на колени. Я спала, а он сидел и охранял мой сон. Уж не эта ли курица, точнее – мой испуг, стал причиной тому, что Хам таков, как он есть? У всего сущего свое предназначение, но зачем существуют коршуны? Кому от них польза? Муж говорил мне, что хищники полезны тем, что они поедают слабых и больных животных, но я так и не смогла уяснить себе этой пользы, особенно, если дело касается домашней живности. Если бы еще коршун унес курицу старосты Сеха или торговца Элона, то это можно было бы истолковать как кару за их жадность и злосердечие. Но лишать курицы бедного гончара, который, несмотря на свою бедность, всегда продает нуждающимся свой товар со скидкой? Чем он провинился?

Муж говорит, что пути Всевышнего непостижимы и то, что кажется нам странным, на самом деле имеет причину, только мы ее не понимаем. «Сверху виднее», – говорит он, и с этим не поспоришь – сверху действительно виднее. Когда я была ребенком, я любила взобраться на какую-нибудь высоту и смотреть оттуда на мир. Сверху все кажется таким маленьким, немного ненастоящим, но видно далеко...

Сана с Шевой перебирают шерсть и развлекают себя разговором. Иногда Шева принимается напевать что-то себе под нос. Голос у нее приятный, я люблю слушать ее пение. Но сегодня мне не до пения и

разговоров, руки мои работают, а в голове роятся думы. Что будет с нами? Каково это – быть единственными людьми на свете? Ни одного соседа, никого-никого, только мы, наша семья... Хотя, может, это и к лучшему, ведь сейчас мы тоже живем замкнуто, общаясь с людьми только по необходимости. Люди перестали отличать добро от зла, лучше держаться от них подальше. Сердца их ожесточились, переполнились завистью и злобой. Сетуют на тяжелую жизнь и говорят себе в оправдание: «Какова жизнь, таковы и мы». Но разве от злобы жизнь станет легче? А муж мой – как заноза в глазу у всех. Мы никому не делаем зла, но нас ненавидят. Я чувствую эту ненависть в косых взглядах, нехороших прищурах и в притворных улыбках тоже чувствую. Ощущая собственную мерзость легко успокаиваться тем, что ты таков, как все, и нет никого лучше тебя. Но муж мой как напоминание о том, каким должен быть человек. Он – ходячий укор им, и за это его ненавидят. И нас тоже ненавидят. Так лучше уж быть нам одним, так хоть не придется опасаться погибнуть от руки убийцы на собственном поле, как погиб сосед наш Ирад. Хороший был человек, наперечет сейчас такие люди, мало их. Несчастный Ирад.

Так долго тянул с женитьбой, все мечтал выбиться из нужды, а потом уж жениться, чтобы семья его не знала недостатка в чем-либо, а когда собрался взять жену, то не смог выбрать достойную себя. Повелся на красоту и притворную скромность, но не разглядел за этим притворством истинной сущности своей избранницы. Хоар своенравна и похотлива до невозможности, она из тех неукротимых кобылиц, которые нуждаются в твердой руке. Ирад любил Хоар, можно сказать – души в ней не чаял, но он не смог утолить жажду ее лона, как не смог утвердить над ней свою власть. Смотрел на одно, а видел другое. Говорил с восхищением: «Как блюдет чистоту своего тела моя Хоар! Не ляжет со мной, не вымывшись с головы до ног!». А о том, в чем кроется причина такой любви к мытью, простодушный Ирад не задумывался. Хоар же смывала с себя запахи других мужчин, навещавших ее, пока Ирад трудился в поле или в саду. Надо отдать Хоар должное – пристойность она соблюдала, никого из любовников не впускала в ворота, не улыбалась им на людях и не делала ничего, что могло бы навлечь на нее подозрения в неверности. Но, живя по соседству, многое замечаешь. Слух у меня хороший, да и на зрение я не жалуясь. Ирад ушел в поле, Хоар понесла в птичник зерно. Вдруг в

доме раздается стук – «тук-тук» и спустя два биения сердца еще раз «тук-тук». Хоар тут же выходит из птичника и спешит в дом. И выходит очень не скоро, раскрасневшись и с печатью удовлетворения на лице. Я сама женщина и знаю, как выглядит женщина, только что досыта утолившая любовную жажду. Как кошка, объевшаяся сметаны.

Кто стучал в доме, если Ирад в поле, сама она была в птичнике, а детей у них нет? Кто-то, кто перелез в укромном месте через плетень и проник в дом украдкой, через одно из окон. Украдкой проник и украдкой ушел.

У Хоар с Хамом было то, что бывает между мужем и женой. Я своими глазами видела, как Хам жадно поедал ее глазами, думая, что этого никто не замечает. А Хоар, подметая двор, нарочно вставала так, чтобы явить взору Хама все свои сокровенные прелести. И подол платья у нее задрался, якобы случайно, и стан она изгибалась как танцовщица, и нагибалась чаще, чем надо, да еще и крупом своим поигрывала призывно. Я не виню Хоар, она не виновата, что такой родилась. Похоть сродни жажде в жаркий день. Подобно тому, как, томясь жаждой, невозможно думать ни о чем, кроме воды, так и, томясь похотью, невозможно думать больше ни о чем, кроме крепкого срамного уда. Другое дело, что, имея такое свойство, нельзя становиться женой добропорядочного человека, ибо гулящая жена навлекает позор сразу на двоих – на себя и на своего мужа.

Я очень боюсь за Хама. Подумала я – кто же убил Ирада, как не какой-то ревнивец из числа любовников Хоар? Не пожелал больше делить ее с мужем и убил. Чаще обманутые мужья отыгрываются на любовниках, но случается и обратное. И еще подумала я – а вдруг тот ревнивец не остановится на муже и начнет убивать всех своих соперников, всех, кого Хоар дарила своей благосклонностью? Сын мой Хам тоже ведь в их числе. Я пыталась поговорить с Хамом, предостеречь его, но он, по вечному своему обыкновению, посмеялся и заверил меня, что с ним ничего дурного случиться не может. Хотела бы я знать, откуда взялась такая уверенность, на что она опирается? Сдается мне, что это обычная мужская самонадеянность, дочь легкомыслия. После Хама я говорила наедине с Иафетом, попросила его вразумить брата. Я надеялась, что слово из уст брата дойдет до Хама лучше, но Иафет, выслушав меня, сказал, чтобы я не беспокоилась, что Хаму не грозит смерть от руки убийцы Ирада. Я

стала спрашивать, почему он так думает, но Иафет сослался на свое чувство. «Я так чувствую», – сказал он. Не знаю, что он на самом деле чувствует, но мое беспокойство от такого ответа не уменьшилось, а возросло.

А Хоар, оказывается, любила Ирада. На свой лад, но любила. Во всяком случае, оплакивала она его искренне. Легко отличить притворный плач от непритворного, истинную скорбь от ложной. У того, кто скорбит на самом деле, лицо чернеет. Притворством такого не добиться. Как теперь Хоар будет жить одна? Поля она отдала в пользование Хагему-испольщику, а для ухода за садом наняла работника, какого-то пришлого, никому не известного парня. Женщины говорят, что лучше было бы нанять кого-то из своих, чем доверять чужому, но я подозреваю, что этот чужой парень для Хоар совсем не чужой и платить за работу она ему может не только из нового урожая, но и своим телом.

Новый урожай... Будет ли он? Придет ли для него время?

И не этот ли чужак убил Ирада, чтобы входить к его жене в любое время по своему желанию? Ни за что не поверю в то, что одинокая вдова, которую некому защитить, осмелится допустить в дом незнакомца, у которого разное может быть на уме. Особенно сейчас, когда украсть не стыдно, совершить насилие не страшно и убить легко.

Глава 5

Отец и сын

Хотелось говорить с людьми. Хотелось выйти к ним, развести руки в стороны, словно желая заключить всех в объятия, и воскликнуть: «Братья и сестры! Подумайте о спасении своем, пока еще есть время подумать! Изменитесь, и изменится ваш удел! Отвратите свои сердца от зла и обратитесь к добру! Времени осталось мало, очень мало!».

Но звучали внутри слова: «Все, кто живет на земле, погибнут. Но с тобою будет у Меня договор, что Я беру тебя под свое покровительство. Ты войдешь в ковчег – с сыновьями, женой и женами сыновей...»

Ты войдешь в Ковчег! С сыновьями, женой и женами сыновей!

«Разве того, кто близок мне помыслами, нельзя считать моим сыном? – думал Ной, толкуя услышанное. – Разве нет никого, кроме нас, кто достоин спасения?»

Это была одна мысль, что не давала покоя. Другая, беспокоившая не меньше, была о Хаме. Чем больше думал Ной о смерти своего соседа Ирада, тем больше подозревал, что сын его Хам мог быть причастен к ней.

«Хам – убийца?! – негодовало сердце. – Нет! Нет! Не может такого быть! Как можно заподозрить в убийстве Хама, сына своего, которого когда-то держал на руках и качал на коленях?».

«Разве Хам не предавался блуду с Хоар? – возражал разум. – Разве не было его дома в ту ночь и в то утро? Разве не странно, что, услышав весть о смерти Ирада, он не выказал ни удивления, ни сожаления? Нельзя сказать, что Хам сделал это черное дело, но и нельзя сказать, что он непричастен к нему. Может быть так, а может быть и иначе».

Но – если причастен?! Это же означает, что в Ковчег войдет убийца! Можно ли допустить такое? Бог насылает на землю потоп, чтобы избавить ее от зла, а зло будет в Ковчеге? Зачем же тогда все это? И спасутся ли те, кто войдет в Ковчег с убийцей? И каково это – жить и знать, что сын твой отнял чужую жизнь? Как можно призывать людей к добру, если сам, пусть и не ведая того, породил зло?

Ной просил Бога вразумить его.

Ной просил послать ему знак, чтобы убедился он в виновности Хама, сына своего, или же отринул все сомнения.

Ной просил открыть ему имя убийцы. Если Богу будет угодно, то пусть появится в воздухе перст и начертит огнем имя. Если Хам убил, то он не войдет в Ковчег! Не будет ему там места!

Закончив работу, которой было невпроворот, Ной наскоро ужинал в кругу семьи, избегая встречаться взглядом с кем-либо, чтобы никто не мог догадаться о том, что за мысли у него на уме, а затем спешил в свою молельню и просил, просил, просил... Что еще оставалось делать, как не просить? Убийца Ирада не спешил открыться, и никто не искал его, чтобы наказать. Страшно сказать такое, но убийство ближнего своего уже входило если не в обычай, то в число обыденных событий. Если раньше, давно, споры было принято разрешать любовно, миром, то теперь – дракой или убийством. Мертвый враг не опасен, разве не так? Кто убил, тот доказал свою силу, а, значит, и свою правоту, разве не так?

Дни проходили в трудах, а ночи – в молитвах. Ной почти не спал, и зная о том Эмзара удивлялась, откуда он берет силы, если толком не отдыхает и толком не ест. Наконец, Ной понял, что Бог послал ему еще одно испытание, которое может оказаться труднее, чем строительство Ковчега.

Бог испытывает его веру в детей своих. Если вера эта крепка, то не будет никаких сомнений. Если человек уверен, что сын его не способен на убийство, то и подозревать его не станет. Так же, как не станет подозревать себя самого.

Если уверен...

Бог испытывает его мудрость. Если человеку достает ума и проницательности для того, чтобы разобраться в тайном, что скрыто ото всех, то ему достанет этих качеств и для того, чтобы правильно устроить жизнь на очищенной от порока земле и установить справедливые законы, которым будут следовать его потомки.

Если достает...

Если же кто не уверен ни в детях своих, которые должны войти с ним в Ковчег Спасения, ни в том, что он достаточно мудр для того, чтобы не дать злу возродиться после потопа, то как он может быть избранным?

Бог испытывает, значит, так надо. Испытание – удел достойных, ибо, с честью проходя его, они умножают свое достоинство. Испытание надо пройти. Там, где недостает разума, подкрепить его верой, там, где недостает веры, подкрепить ее разумом. Если есть сомнения в непричастности Хама к убийству Ирада, иначе говоря – если Хам подозревается в убийстве соседа, то следует разобраться в том, кто убил. И тогда уже решать чего стыдиться – то ли того, что посмел так плохо думать о сыне своем, то ли того, что вырастил убийцу.

Тут было над чем подумать. Никогда еще Ною не приходилось выяснять чью-то вину. Он спросил – ему ответили, так было заведено дома. Никто не скрывал содеянного, да и нечего было скрывать. Никогда в жизни не приходилось Ною выводить кого-то из членов семьи на чистую воду, уличая во лжи. Прочих иногда приходилось, но то были простые дела при простых обстоятельствах – мелкая ложь, обычные наветы завистливых сплетников. Однажды по следам на влажной от дождя земле Ной нашел сорванцов, повадившихся лазить в его сад. Добро бы только ели, но от озорства, присущего молодости, когда кровь бродит в жилах, то и дело ударяя в голову, мальчишки наносили вред – обрывали ветви, срывали больше плодов, чем могли съесть, бросали их наземь и топтали ногами. Озорники оказались совестливыми, увещевания вкупе с приглашением приходить поесть плодов открыто оказалось достаточно для того, чтобы набеги на сад прекратились раз и навсегда.

Но где мальчишки, залезшие ночью за дарами земли, и где убийца! Хладнокровный, коварный убийца, что подошел к человеку, работавшему на поле своем, и ударил его ножом в спину. И убийца этот был знаком Ираду, знаком настолько, что можно было безбоязненно повернуться к нему спиной.

Ной представил, как навстречу Ираду идет человек. Вот он подходит, произносит обычное приветствие для трудящихся «Благословенны будут труды твои» или просто говорит: «Мир тебе, Ирад». Ирад выпрямляется, отвечает на приветствие, они разговаривают, затем прощаются. Человек делает вид, что идет дальше, а Ирад снова берет за мотыгу, но не успевает взмахнуть ей, как падает на землю с ножом в спине. Человек озирается, желая узнать,

не наблюдает ли кто за ним, и в этот миг Ною удастся разглядеть знакомые черты...

Нет, это не Хам! Это не может быть Хам! Убийца смеется и машет рукой перед лицом своим. Теперь Ной узнает в нем себя самого.

– Отец, что с тобой?! – услышал Ной встревоженный голос Сима.

– Все хорошо, сын, – ответил Ной.

Сим не удовлетворился ответом. Решив, что отцу напекло голову солнцем или что он просто переутомился, Сим отвел его в тень навеса, под которым хранились материалы и инструмент, усадил на тук с пенькой, помахал на отца мешком из-под гвоздей, поскольку другого опახала под руками не было и сбегал к роднику за водой. Несмотря на свою грузную статью, Сим был очень легок на ногу. Ной не успел перевести дух, а сын уже стоял рядом с чашей холодной воды в руках.

Воды было много. Ной утолил жажду, затем предложил напиться Симу, но тот покачал головой и сказал, что напился у родника (когда только успел?). Тогда Ной вылил остатки воды на голову, чтобы освежиться, и попросил Сима прислать к нему Хама. Сим ушел, а Ной стал наблюдать за работавшими, заодно и сосчитал их. Просто так, чтобы знать.

Кроме самого Ноя и троих сыновей его на постройке Ковчега сегодня работало семь нанятых поденщиков и пятеро помогавших добровольно. Тем, кто работал по собственному почину, тоже полагалась плата, но, в отличие от поденщиков, они могли начинать работу, когда им хотелось и заканчивать тоже по своему желанию. Добровольные помощники руководствовались не столько желанием помочь в строительстве, сколько любопытством. Они приходили, когда хотели, и уходили, когда им вздумается. Некоторые не столько помогали, сколько мешали, то и дело приставая с расспросами.

– Мы строим Ковчег! – отвечали любопытным Ной, Сим, Хам и Иафет. – Зачем нам Ковчег? Зачем мы строим его? Строим, потому что должны строить!

Ной непременно добавлял от себя несколько фраз про спасение от порока, распространившегося по миру, не увязывая это напрямую с Ковчегом. На большее он не считал себя вправе, но и молчать тоже не мог. Кому предначертано – тот поймет. Кому суждено спастись – тот догадается. Чье сердце обратится к добру – тот будет спасен. Если бы кто-то из обратившихся к добру, попросил бы у Ноя места в Ковчеге и

был бы искренен, то Ной, не сходя с места, назвал бы его сыном своим и пригласил бы в Ковчег, когда тот будет построен. Так решил Ной, ибо невозможно спастись самим, зная, что среди дурных людей гибнут раскаявшиеся, вставшие на путь добра.

«Все добрые люди – сыновья мне», – говорил себе Ной, и то была уловка, но уловка из числа бесхитростных, прямодушных.

Приходящие на луг, да и все остальные, не спешили обращаться к добру. Кто-то интересовался платой, кто-то подносил материалы, кто-то любопытствовал в меру или сверх нее, кто-то смеялся, но никто не сказал: «Добро поселилось в сердце моем», и никто не сказал «Хочу спастись».

Ной смотрел вокруг и улыбался. Шум, производимый строителями ковчега, был сладчайшей музыкой для его ушей. Тут стучат топорами, подгоняя доски друг к другу, там обухом забивают гвозди, чуть поодаль отпиливают лишнее... Работа кипит, хорошо. И как приятно пахнет деревом. Воистину ни одно дерево не источает столь чудесный аромат, как гофер. В аромате этом зной солнца смешался с прохладой воды, впитав в себя прелесть сочных трав и красоту ночного неба. Нагреваясь к полудню под палящими лучами солнца, гофер начинал пахнуть сильнее и на поверхности досок и бревен проступали мельчайшие капельки смолы, сверкавшие, словно драгоценные камни. Ладони строителей Ковчега были в смоле и благоухали.

Хам, радующийся любому поводу для отдыха, появился скоро. Подошел к отцу тяжелой походкой уставшего от работы человека, присел на край досок, уложенных друг на друга, и сказал, улыбаясь:

– Хороший сегодня день, отец. Работа так и спорится.

Видно было, что он лукавит и на самом деле хочет сказать, что работать от восхода солнца до его захода и даже сверх того, это слишком и что полуденный отдых может быть дольше. Но Ной не подал виду, что догадался. Сейчас ему важно было не наставлять и не поучать, а узнать правду.

– Радует сердце мое, когда подходит ко мне мой сын, – сказал Ной, глядя на Хама. – И то, как работают мои сыновья, нравится мне. Любой отец гордится, когда его дети творят благо. Но если вдруг кому-то из них доведется сделать нечто дурное, то все равно в сердце моем...

– Могу поклясться, отец, что уже целую седмицу не совершал я ничего такого, за что меня можно было укорить! – перебил Хам.

Перебивать отца, да и вообще перебивать непочтительно, но Ной предпочел не обращать на это внимания, а порадовался тому, что Хам не стал отмалчиваться, а вступил в разговор. Когда собеседник молчит – это плохо, разговора не получится.

– Хвалю тебя, сын! – пряча улыбку в бороде, ответил Ной. – А почему всего лишь седмицу?

«И почему ты говоришь именно про эту седмицу?» на самом деле хотел спросить он. Ирада убили шесть дней тому назад. Простое ли совпадение или Хам намеренно хочет отвести от себя подозрение в убийстве.

– Я не совершаю ничего важного и потому не запоминаю своих дел надолго, – нашелся с ответом Хам. – Что делал недавно помню, а что было давно – позабыл. «Чем короче память, тем крепче сон», – говорит знахарь Этан.

– А когда ты спишь, сын? – удивился Ной, ухватившись за сказанное. – Днями ты работаешь, ночами гуляешь. Остается ли у тебя время на сон? Или ты раздобыл у того же Этана снадобье, позволяющее обходиться без сна долгое время? Тогда мой долг предостеречь тебя – от частого его употребления можно сойти с ума. Бог создал ночь для сна, а день для работы.

– Есть ли у меня деньги для того, чтобы покупать снадобья Этана? – Хам пожал плечами и покачал головой, словно давая понять, что снадобья-то он бы купил, но другие.

Этан славился своими настойками, многократно усиливающими мужскую силу. Даже из столицы приезжали к нему покупатели. А еще Этан собирал черную накипь, что растет на старых, начавших гнить, пнях и делал из нее напиток, один глоток которого уносил отведавшего в сказочное небытие, где исполнялись все желания. От напитка этого слабели члены и туманился разум, но, тем не менее, пристрастившиеся продолжали пить его ежедневно, ибо не могли уже обойтись без него.

– Тебе ли, сын, в твои цветущие лета, думать о снадобьях! – мягко укорил Ной. – Но ты так и не ответил на мой вопрос.

– А что там отвечать? – проворчал Хам. – Сплю я урывками, где придется. То засыпаю в чьих-то объятых, то немного сплю по возвращении домой, пока вы просыпаетесь и творите молитвы, то

удается прикорнуть в тени после обеда. Прости, отец, но я не могу постичь суть твоего интереса. Стоит ли тебе, обремененному заботами, думать о том, где и сколько я сплю. Позволь мне самому заботиться о себе, ведь я уже взрослый.

– Конечно, взрослый, – поспешил согласиться Ной, досадуя на то, что разговор пошел не так, как ему хотелось.

Такие люди, как Хам, словно сухое дерево – вспыхивают от одной искры, от одного слова. Трудно с ними, но нужно спросить, нужно узнать.

– Я все время думаю о том, кто убил нашего соседа, – сказал Ной, внимательно наблюдая за выражением глаз Хама. – Сосед – что родственник, и хотелось бы, чтобы убийца был наказан. Нет ли у тебя, сын, каких-то соображений относительно того, кто это мог быть?

Хам ни бровью не повел, ни лицом не дернул, но взгляд его изменился, посуровел, стал жестче.

– Откуда мне знать, ведь меня там не было? – ответил он вопросом на вопрос.

Что еще можно спросить после подобного ответа?

– Может, люди что-нибудь говорили? – продолжил расспросы Ной. – Слухи иной раз бывают правдивыми.

– Говорили, – неожиданно кивнул Хам. – Говорили, что никто не знает, где и когда суждено ему встретить смерть.

– А еще что говорили люди? – спросил Ной, введенный в заблуждение миролюбивым тоном Хама и не чувствуя уготовленной ему ловушки.

– А еще говорили, что лучше встретить смерть за столом, с чашей в руках или в жарких объятьях красавицы, но не в поле! – рассмеялся Хам. – Тяжко умирать, когда последнее, что ты видишь – земля на твоей мотыге!

– Мне не доводилось еще умирать, и я не могу судить о том, тяжело это или легко, – строго и твердо сказал Ной, – но я уверен, что лучше лишний раз взять в руки мотыгу, нежели чашу. Жизнь – это труд, а не праздность. И мне очень неприятно слышать подобные высказывания по поводу смерти Ирада, сын мой.

– Так ты же сам спросил, о чем говорят люди, – напомнил Хам. – Ты спросил – я ответил.

Притвориться простаком – излюбленная уловка Хама. Только против брата Сима не срабатывает она.

– А не говорил ли кто о том, что держит зло на Ирада?

– Половина из знакомых мне мужчин держали на него зло! – воскликнул Хам. – Как можно не держать зла на беззубого скупердяя, который поспешил схватить сочный плод, но не в силах съесть его?

– Ты говоришь о нашем покойном соседе! – нахмурился Ной. – О добром соседе и его несчастной вдове! Имей же уважение!

– Отец! – вспыхнул Хам, повышая голос. – Я отвечаю на твои вопросы, говорю, что знаю, слышу в ответ укоры и не могу понять, чем я их заслужил! Что обидного в том, что Ирада я сравнил с беззубым скупердяем, а его жену Хоар – с сочным плодом? Разве она не есть сочный плод, глядя на который испытываешь желание, надкусить его? И разве наш добрый сосед не был тем, кто брал, будучи не в силах пользоваться? Молодой страстной женщине нужен муж, способный укротить ее нрав и насытить ее страсть, а не вялый ленивец, способный лишь на прикосновения!

– Хам, прекрати! – потребовал Ной, уже раскаиваясь в том, что вообще затеял этот разговор.

– Позволь, отец, мне договорить, раз уж я начал, – попросил Хам, умеряя свой обличительный пыл и говоря тише. – Взять хотя бы плотника Тапана. У него спокойный нрав, и он не слишком-то охоч до утех плоти. Но он взял себе жену, отвечающую его нраву – такую же спокойную и лишённую всяческого пыла, и живет хорошо. А вот медник Савтех...

– Подумай, о чем ты говоришь! – ужаснулся Ной. – Если послушать тебя, то получается, что Ирад сам виноват в том, что жена изменяла ему? Виной тому не ее блудливый характер, а спокойный нрав Ирада? А ты не думаешь о том, что бедняга так уставал, добывая пропитание для себя и своей жены, что у него не всегда доставало сил на утеху? Если так пойдет дальше, то ты договоришься до того, что сделаешь Ирада виновным в собственной смерти!

В разговоре отца и сына возникла пауза, во время которой оба сверкали глазами и хмурились. Шум, производимый топорами и пилами, заглушал их голоса, иначе бы Сим давно бы прибежал выяснять, что произошло. Хорошо, что не прибежал, не хватало тут только Сима с его вечными затрещинами Хаму. Лучше бы прибежал

Иафет, но тот уже который день был хмур и неразговорчив. Который? Шесть дней уже был не таков, как обычно Иафет, и никто не знал, что стало тому причиной – Иафет не признавался, когда его спрашивали и сам ни с кем не делился тем, что лежало у него на душе. Но лежало, лежало что-то, и было оно весомым, давило. Шева, видя, что муж постоянно не в духе, утратила свою обычную веселость и осунулась. Бедняжка, должно быть, она считала себя виноватой в том, хотя невозможно было представить, что Шева может огорчить или как-то иначе испортить настроение.

– Может статья и так! – дерзко ответил Хам. – Просто так не возьмешь и не убьешь! Для убийства нужна причина, и причина из веских! Если бы Ирад не сотворил какого-то зла и не перешел бы кому-то дороги, то кому и зачем понадобилось его убивать?! Ирад был убит не в многолюдной драке, как иногда случается и не в темноте, когда можно подумать, что убийца ошибся! Нет! Он был убит на своем поле, при свете дня, и тот, кто убил, хотел убить именно его! Ты говоришь «добрый Ирад»? А ко всем ли он был добр?!

С каждой фразой голос Хама становился все громче и громче.

Ной не нашел, что ответить, да и не хотелось отвечать. Ясно было, что разговора не получилось, так зачем же продолжать? Гнев и запальчивость не располагают к беседе.

– В том, что женщина изменяет мужу своему, есть и его вина! – выкрикнул Хам, вскочив на ноги. – Любое убийство имеет в основе своей две причины – деяния убитого и намерение убийцы!

Сказав это, он развернулся и ушел, не дожидаясь ответа. Ной остался сидеть там, где сидел, и пытался обуздать свой гнев. Хам зарвался! Как смеет он говорить отцу такое, да еще повышать голос? Как смеет он, будучи младшим, первым заканчивать разговор?

Ною потребовалось сколько-то времени для того, чтобы успокоиться. Справиться с гневом удалось относительно легко, но вот сомнения в отношении Хама окрепли и это было хуже всего. Человек, оправдывающий убийство, человек, разделяющий ответственность между убийцей и его жертвой, вполне мог оказаться убийцей. Горячность, с которой Хам говорил о Хоар, тоже настораживала и заставляла задуматься. Ну, а если сложить все вместе, то получалось...

– Не мог он... – прошептал Ной, чувствуя, как на глаза его наворачиваются слезы. – Не мог он убить... Мой сын не убийца... Мой

сын...

Очень хотелось в это верить. Но не всегда получается верить в то, во что хочется верить. Как ни старайся, как себя не убеждай.

Худшее из состояний, когда сердце говорит одно, а разум – другое. «Нет мира в душе», – говорят про такое, а как же жить, когда в душе нет мира?

Глава 6

Обида Хама

«Любое умение идет человеку на пользу», – любит повторять мой отец. Он гордится тем, что знает много ремесел – от плотницкого до сапожного. И еще он гордится тем, что совершенно не умеет лгать. А ведь это очень ценное умение, и пользы от него человеку больше, чем от всех ремесел, вместе взятых. Ложь, сказанная к месту, может избавить от несчастья или же принести прибыль. Так нет же! Мой отец праведник, а праведники никогда не лгут. Только не надо думать, что праведники всегда говорят правду! Они или говорят правду, или отмалчиваются. Порой это молчание может довести до беды. Все умные люди кричат славословия, приветствуя правителя Явала, а мой отец стоит в первых рядах и молчит. Разве после такого можно надеяться на какое-нибудь благо от правителя или его людей? И ради чего вести себя так? Чтобы люди сказали: «Вот Ной, который не славословит правителя нашего?». Какой в том прок? Люди чаще говорят другое: «Вот гордец, который ставит себя выше правителя! Он подпоясывается простой веревкой, но он не так уж и прост!». Говорят и смеются. Веревка, которой подпоясывается мой отец, давно уже стала притчей во языцех. У самого последнего бедняка есть хоть какой-то, хоть плохонький, но пояс, и только отец мой перепоясывает чресла свои простой веревкой! «Зачем мне пояс, – говорит он, – если и веревка сгодится?» Он думает, что, выделяясь подобным образом, приобретает отличие, но на самом деле, он роняет не только свое достоинство, но и наше семейное. «Вот сын перепоясанного веревкой!» – говорят про меня, и больно мне слышать такое. Я не могу сказать подобно тому, как говорит отец: «Кто хочет – видит человека, кто хочет – видит веревку», потому что в этих словах нет смысла. Любой, кто смотрит на отца, видит и человека, и веревку, иначе и быть не может! Однажды мы с братьями подарили отцу пояс, достойный почтенного человека, так что же? Он взял, поблагодарил, пошел купил еще два таких же и дал нам со словами: «Пусть это будет вам от меня». А сам остался при своей веревке!

Торговцы Атшар или Элон не скупятся ни на славословия правителю, ни на подарки ему и его людям, оттого и живут в богатстве, не утруждая себя низкой тяжелой работой. В поле Атшар выходит лишь для того, чтобы отдать распоряжения работникам, а Элон, должно быть, не знает, с какого конца берутся за мотыгу. Они – счастливые люди, умеющие добиться блага для себя.

Люди правителя не раз намекали отцу, что ему следует обуздать свою гордыню, но в ответ на ласковые увещевания отец отвечал дерзостью, не задумываясь о том, что терпение правителя может иссякнуть.

Спроси кого: «Знаешь ли ты Ноя, сына Ламеха?» и тебе ответят: «Это тот гордец, что возомнил себя выше всех и смущает народ непонятными речами». А другие скажут иначе: «Это тот безумный, что строит ковчег посреди суши». Я думал, что люди будут приставать ко мне с вопросами по поводу ковчега, но люди не ждут от отца ничего разумного и ничего не спрашивают. Они сочли строительство ковчега очередным чудачеством Ноя и смеются. Савтех-медник каждый день придумывает новое назначение этой постройке, одно гнуснее другого. Мне пришлось сделать ему внушение, чтобы он немного придержал свой язык. Дальний родственник Савтеха – один из приближенных Явала, не то писец, не то хлебодар. Савтех грозил мне неприятностями, ссылаясь на свое знатное родство, пришлось добавить ему пару тумачков. Как бы ни относился я к отцу моему, глумиться над ним в моем присутствии я не позволю. Он – мой отец, и другого у меня нет, хотя, если бы сыновья могли бы сами выбирать себе отцов, я бы, наверное, выбрал другого – поумнее и такого, чтобы поменьше вмешивался бы в мои дела. Я уже взрослый и волен сам решать, что мне делать.

«Взрослый мужчина – семейный мужчина», – твердит отец. О, мой отец упрям, как никто. Скала может сдвинуться с места, если содрогнется земля, но мой отец никогда не уступит ни в чем. На первый взгляд кажется, что он добр и снисходителен, потому что он никогда не распускает рук, как братец Сим, не бранится и даже кулаком по столу не стучит. Но другой отец выругается в гневе да и уступит сыну, а мой будет долго увещевать с улыбкой на устах, но со своего не сойдет.

«Разве для того, чтобы получить свободу, нужно надеть на шею ярмо?» – спрашиваю я. Почему я не могу жить так, как мне хочется, будучи холостым и свободным? Неужели, жена моя, войдя в наш дом, прибавит мне разума? Зачем родители докучают мне с женитьбой? Отец говорит прямо, а мать действует намеками – то и дело заводит при мне речь о разных девушках, нахваливая их красоту, скромность, усердие в работе и прочие достоинства. Сейчас у нее на примете Гишара, дочь покойного гончара Арега. Не спорю, Гишара красива и возбуждает страсть, но если лицом она похожа на цветущую розу, то сердце у нее каменное. На все мои ласковые слова и похвалы у нее один ответ – отвернет голову в сторону и пройдет мимо. Я при этом чувствую себя униженным, можно же хотя бы улыбкой поблагодарить меня за внимание, не говоря о том, чтобы дать мне какой-то знак. Я же не посягаю на то, от чего убудет! Мужчина создан для утех с женщиной, женщина создана для утех с мужчиной, и кто установил так, что нельзя войти к женщине прежде, чем возьмешь ее в жены? Наверное, это был какой-то слабосильный старик, желавший удержать возле себя молодую красавицу, будучи не в силах удовлетворить ее страсть. Вот он и придумал, что жена только для мужа и что запретны мужчине все женщины, кроме жены. Сам не могу, но зато и другому не дам. Так жадный Элон запрещает своим работникам подбирать упавшие с веток плоды и есть их – пусть лучше сгниет добро, чем попользуется им кто-то чужой. Так и мужья поступают с женами – пусть те сохнут себе от страстного томления, но никому другому не достанутся их ласки, кроме мужа. Кроме мужа! Как будто сосед наш Ирад мог утолить хотя бы десятую часть страсти жены своей Хоар! Если бы не я и другие добрые люди, Хоар давно бы сошла с ума, ведь любовь мужа была для нее каплей в море. Должно быть так – мужчина и женщина по обоюдному согласию могут творить все, что им вздумается для своего удовольствия, и никто не вправе мешать им. Жизнь дана человеку для наслаждения, а не для работы, что бы там ни думал мой отец. А захочется кому-то жить вместе и заводить детей, так пусть живут. Это будет справедливо и без обмана, потому что такое решение будет от чистого сердца и по доброй воле. Ведь если руководствоваться запретами, то женщина может думать, что мужчина берет ее в жены лишь для того, чтобы каждую ночь без помех возделывать ее поле. И вообще, чем больше свободы и чем меньше

запретов да правил, тем лучше жизнь. Птицы летают в небе куда хотят, отчего же человек не может делать что хочет? «Вот настали времена, когда каждый делает, что он хочет, – и разве это к добру?» – говорит мне отец. Я отвечаю на это, что каждый должен решать сам за себя и чей-то пример мне не указ. Я могу сказать другие слова: «Каждый делает что хочет, разве хорошо в такое время надевать на меня ярмо?». Но бесполезны эти споры, поскольку последнее слово всегда за отцом. Я сказал так – если когда-то у меня будут дети, я не стану неволить их и принуждать к тому, что им не по душе. Когда они вырастут, я скажу им: «Дети мои, живите как вам угодно и будьте счастливы». Вот что скажу я своим детям и услышу в ответ, что я – лучший из отцов.

Иногда я думаю, что отец и братья завидуют мне. Завидуют тому, что я умею находить радость и наслаждение в жизни, завидуют моей свободе, завидуют моему характеру. Я не вол, что, уставившись в землю и обливаясь потом, тянет свою ношу изо дня в день. Я – орел, что летает выше других птиц и летает туда, куда хочет. Угораздило же меня родиться среди волов! Другьям моим родители ни в чем не перечат, один я ежедневно слышу попреки.

Мало было досад мне, а теперь еще этот Ковчег. Я не думаю, что отец мой взялся строить его по своему почину, потому что отец не может лгать, и если уж говорит что-то, то, значит, так оно и было. И браги дурманящей он пьет столько, чтобы слышать и видеть то, чего нет. Но терзают меня сомнения – уж не вздумалось ли какому шутнику устроить такую проделку над праведным Ноем? Что стоит тихо залезть на крышу, устроиться над родительской спальней, проделать маленькое отверстие в потолке и, увидев, что отец мой начал молиться, говорить с ним от имени Бога? Такие шутники, как Ерах, сын мельника Ирада, или Шалаф, сын Атшара-богача, вполне способны на такую проделку. У Ераха, изощренного в коварстве, достанет терпения молчать о своей проделке до тех пор, пока Ковчег не будет достроен. Шалаф – тот проще, он проболтается скорее. А может, кто-то из шутников сделал такое, будучи сильно пьяным, и наутро, протрезвев, забыл о содеянном? А мы строим этот Ковчег, отдавая все силы.

Я сказал отцу: «Если Бог хочет для нас спасения, то почему не указал нам высокую гору, взобравшись на которую мы могли бы переждать потоп? Ведь легче взойти на гору, пусть даже и высокую, пусть даже и с грузом на плечах, нежели строить эту громаду? Сил на

постройку Ковчега уходит немерено, и траты на покупку дерева для него велики». Я говорил разумно, но отец оборвал меня и завел обычные свои речи о том, что благо дается человеку в трудах и что чем больше это благо, тем больше для его обретения надлежит трудиться. А еще говорят некоторые, что мой отец мудр. Какая же это мудрость – выучить одно и твердить это всю жизнь? Мудр староста Сех, у которого для каждого случая, для каждого человека, есть особое правило. «То, что хорошо в урожайный год, плохо для неурожайного года, – говорит Сех, – то, что правильно для богатого, не годится для бедного». И он говорит верно, потому и живет хорошо. Разве может быть одна и та же правда у льва и ягненка, у правителя Явала и нищего, что просит подаяния на дороге?

Одно утешает меня – как бы не пошло дело, наши труды не пропадут. Я говорил с Узалом-корчмарем. Он сказал, что знает людей, которые могли бы купить то, что мы построим. Для чего им это надо, Узал не сообщил, но это и не важно, важно то, что если вся эта затея с Ковчегом есть плод чьей-то шутки, мы не останемся внакладе или останемся не сильно. Узал не шутил, а говорил серьезно и, даже, прельщал меня обещаниями поделиться со мной той платой, что получит он за посредничество, если я смогу уговорить отца сильно не дорожиться при продаже. Для чего может понадобится такая огромная постройка? Уж не сам ли правитель Явал положил на нее глаз? Нет, правитель не стал бы заводить речь о покупке, он бы прислал воинов и забрал силой. Разве есть смысл тратиться на приобретение того, что можно взять так? Нет, это кто-то пониже правителя, кто-то из его вельмож или богатых столичных торговцев. Может, им требуется большое хранилище для разных товаров, а может – место увеселения, стоящее в стороне от людских глаз. Ковчег в три яруса хочет построить отец, на первом ярусе можно устроить несколько харчевен и корчм, а два верхних отвести под помещения для любовных утех. Да мало ли какое применение можно придумать большой и добротной постройке. Под надзором отца строим мы добротню, на совесть. Брат Сим не просто вобьет гвоздь, но и рукой непременно попробует – крепко ли тот сидит на своем месте, а брат Иафет в конце каждого дня обходит и смотрит все, что было сделано, выискивая огрехи. Думаю, что отец тоже проверяет работу нашу, но делает это не на виду у всех, как Иафет, а тайно, не желая никого этим

обидеть. На работе и дома мы только и говорим, что о Ковчеге. Мне даже снится начал этот Ковчег, не таким, как сейчас, а уже готовым к отплытию. Будто хочу я войти в него, а отец стоит на пути моем и размышляет – впустить меня или нет.

Только сейчас я понимаю, как славно и спокойно жили мы до начала строительства Ковчеге. Правильно говорят – не утратив, не оценишь по достоинству. Работать приходилось меньше, о женитьбе моей отец и мать заговаривали не столь часто, и сердце мое было свободно от стеснения. Мать укоряет меня, что я стал предаваться развлечениям больше прежнего и перестал ночевать дома. Где же я могу отдохнуть и почувствовать себя счастливым, как не в объятьях охочей до ласк красавицы и с чашей в руках? Жизнь дается человеку один раз, и с каждым днем срок ее становится все меньше. Неужели мы должны отказывать себе в удовольствиях? Вот сосед наш Ирад провел в трудах свою жизнь и встретил смерть свою за работой – что хорошего было в его жизни? Не жаль ему было умирать, не вкусив от жизни полной мерой? Что это была за жизнь, если он так уставал от трудов своих к концу дня, что на жену ему сил не хватало. Лучше бы занялся торговлей или пошел бы на службу к правителю, чем пахать землю. Только такие простаки, как мой отец и мои братья, считают труд землепашца почетным. Что там почетного – пот да слезы! Когда работаешь, потеешь, когда считаешь прибыль, впору плакать! Наша семья живет справно, но у нас четверо работников, а если считать отца и брата Сима по заслугам, то все шестеро, потому что они успевают вдвое против нас с Иафетом. А если уж сравнивать с другими людьми, так можно сказать, что работаем мы за десятерых, а не за шестерых. Потому-то и живем так. Если же выходить на поле одному, как выходил сосед наш Ирад, то многого не наработаешь. На пропитание и чтобы было чем наготу прикрыть хватит, а лишнего сада не купишь и нового дома не построишь. Тому, кто хочет быть богатым, надо или служить правителю, или заниматься торговлей, или давать деньги в рост, а лучше всего, совмещать эти три занятия, подобно тому, как делает это Элон. Все знают, что он торгует зерном и дает деньги нуждающимся в них, причем дает под большой процент и никогда не даст без залога. Но не все знают, что Элон – тайный соглядатай правителя, глаза и уши Явала. Правитель Я вал мудр, он не даст власть старосте, не поставив того, кто бы смотрел за ним. Я про тайные дела

Элона узнал от его сыновей, когда они, напившись браги, стали похваляться тем, что отец их вхож к самому правителю и регулярно докладывает правителю о том, что происходит у нас. Наутро они хмурились и говорили, что спьяну напридумывали разной чепухи, но глаза у них при этом были испуганные. Все знают, как суров правитель наш к тем, кто выбалтывает его тайны. Болтунам отрезают языки, часто – вместе с головами, вот такое им наказание. Думаю, что не один Элон – соглядатай, такой хитроумный человек, как правитель Явал, должен понимать, что чем больше глаз и ушей, тем лучше. Если один попробует солгать, другие выведут его на чистую воду. Если бы в моих правилах было бы выбалтывать чужие тайны, я бы тоже подался бы в соглядатаи, ибо это занятие весьма приятно – ходи себе между людей, да все подмечай – и хорошо оплачивается. Но все знают, что Хам – как могила, что услышал он или увидел, то умрет вместе с ним.

Конец ознакомительного фрагмента. [Полный текст доступен на www.litres.ru](http://www.litres.ru)

notes

Примечания

1

В переводе на метрическую систему длина ковчега примерно равняется 133,5 метра, высота 13 метрам, а ширина 22 метрам.

Table of Contents

[Иосиф Кантор Ной. Всемирный потоп](#)

[Глава 1 Глас Божий](#)

[Глава 2 Убийство](#)

[Глава 3 Начало](#)

[Глава 4 Боль Эмзары](#)

[Глава 5 Отец и сын](#)

[Глава 6 Обида Хама](#)

[Примечания](#)

[1](#)

